

Уильям Блейк Песни Невинности и Опыта

Блейк Уильям Песни Невинности и Опыта

Уильям Блейк
Песни Невинности и Опыта
Песни Невинности
и Опыта
Показывающие два противоположных состояния
души человеческой

* SONGS OF INNOCENCE *

* ПЕСНИ НЕВИННОСТИ *

INTRODUCTION

Piping down the valleys wild Piping songs of pleasant glee On a cloud I saw a child. And he laughing said to me.

Pipe a song about a Lamb: So I piped with merry cheer, Piper pipe that song again So I piped, he wept to hear.

Drop thy pipe thy happy pipe Sing thy songs of happy cheer, So I sung the same again While he wept with joy to hear.

Piper sit thee down and write In a book that all may read So he vanish'd from my sight, And I pluck'd a hollow reed.

And I made a rural pen, And I stain'd the water clear, And I wrote my happy songs, Every child may joy to hear

ВСТУПЛЕНИЕ

Шел я с дудочкой весною, Занимался заря Мальчик в тучке надо мною Улыбнулся, говоря:

"Песню мне сыграй про агнца!" Я сыграл - развеселил! "Ты сыграй-ка это снова!" Я сыграл - он слезы лил.

"Дудочку оставь и спой мне То, что прежде ты играл". И пока я пел ту песню, Он смеялся и рыдал.

"Выйдет книга неплохая Песни эти пусть прочтут", Молвил мальчик, исчезая... Сразу взялся я за труд:

Для письма сломил тростинку, Бросил в воду горсть земли Записал все песни детям, Чтобы слушать их могли!

THE SHEPHERD

How sweet is the Shepherds sweet lot, From the morn to the evening he strays: He shall follow his sheep all the day And his tongue shall be filled with praise.

For he hears the lambs innocent call. And he hears the ewes tender reply. He is watchful while they are in peace, For they know when their Shepherd is nigh

ПАСТУХ

Доля пастыря так хороши! На лугу он встречает расцвет, До заката овечек пасет Доли лучше на свете и нет!

Ибо слышит он агнцев своих, Бережет их все ночи и дни; Овцы паствою мирно идут -Ибо пастыря знают они.

THE ECCHOING GREEN

The Sun does arise, And make happy the skies. The merry bells ring, To welcome the Spring. The sky-lark and thrush, The birds of the bush, Sing louder around, To the bells cheerful sound, While our sports shall be seen On the Ecchoing Green.

Old John with white hair Does laugh away care, Sitting under the oak, Among the old folk.

They laugh at our play, And soon they all say, Such such were the joys, When we all girls boys, In our youth time were seen, On the Echoing Green.

Till the little ones weary No more can be merry The sun does descend, And our sports have an end: Round the laps of their mothers, Many sisters and brothers, Like birds in their nest, Are ready for rest: And sport no more seen, On the darkening Green.

& ЗВОНКИЙ ЛУГ

Чуть солнышко встало И все заблестало! Чиста и ясна, Приходит весна! И нет угомону Ее перезвону, И песня звонка У жаворонка! Мы пляшем в кругу На Звонком Лугу.

Под дубом зеленым Со стареньким Джоном Мамаши сидят На игры глядят. И слышно средь смеха И звонкого эха: "Мы тоже детьми Резвились до тьмы, Танцую в кругу На Звонком Лугу!"

Но в никнущем свете Усталые дети Глядят на закат, И тени лежат... И сестры, и братья, Цепляясь за платье Мамаши родной, Идут на покой. И тихо в кругу На темном Лугу.

THE LAMB

Little Lamb who made thee Dost thou know who made thee Gave thee life bid thee feed, By the stream o'er the mead; Gave thee clothing of delight, Softest clothing wooly bright; Gave thee such a tender voice, Making all the vales rejoice: Little Lamb who made thee Dost thou know who made thee

Little Lamb I'll tell thee, Little Lamb I'll tell thee; He is called by thy name, For he calls himself a Lamb: He is meek he is mild, He became a little child: I a child thou a lamb, We are called by his name. Little Lamb God bless thee, Little Lamb God bless thee.

&&&& АГНЕЦ

Милый Агнец, расскажи, Кем ты создан, расскажи? Из каких ты вышел рук? Кто тебя привел на луг? Кто пушок придумал твой, Чистый, мягкий, золотой? Кто тебе твой голос дал, Чтоб так нежно он звучал? Милый Агнец, расскажи, Кем ты создан, расскажи?

Милый Агнец, я скажу, Милый Агнец, я скажу! Имя Агнца он избрал, Ибо так себя назвал. Как дитя, он тих и мил Он пришел и всех простил. Я дитя, и Агнец ты И у нас его черты! Милый Агнец, Бог с тобой! Милый Агнец, Бог с тобой!

THE LITTLE BLACK BOY

My mother bore me in the southern wild, And I am black, but O! my soul is white, White as an angel is the English child: But I am black as if bereav'd of light.

My mother taught me underneath a tree And sitting down before the heat of day, She took me on her lap and kissed me, And pointing to the east began to say.

Look on the rising sun: there God does live And gives his light, and gives his heat away. And flowers and trees and beasts and men receive Comfort in morning joy in the noon day.

And we are put on earth a little space, That we may learn to bear the beams of love. And these black bodies and this sun-burnt face Is but a cloud, and like a shady grove.

For when our souls have learn'd the heat to bear The cloud will vanish we shall hear his voice, Saying: come out from the grove my love care, And round my golden tent like lambs rejoice.

Thus did my mother say and kissed me. And thus I say to little English boy. When I from black and he from white cloud free, And round the tent of God like lambs we joy:

I'll shade him from the heat till he can bear, To lean in joy upon our fathers knee. And then I'll stand and stroke his silver hair, And be like him and he will then love me.

& ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

В иной стране я свет увидел Божий; Я черный, но душа моя бела; Английский мальчик - ангел белокожий, Меня же мама черным родила.

И поутру она мне говорила, Склоняясь с поцелуем надо мной И указуя взглядом на светило, Еще не разливающее зной:

"Взгляни на солнце - то Господь сияет! Даруя свет и благостную тень, Он все живое щедро оделяет Заботой утром, лаской в ясный день.

Здесь, на земле, чтобы душа сумела К лучам любви привыкнуть - зной суров!

Нам черные даны лицо и тело, Но это только временный покров. Когда нужды не будет

нам в защите, Покров спадет - услышим в небесах: "О чада, к Моему шатру придите И агнцами блаженствуйте в лучах!" Так мама объясняла мне основы И так скажу я брату своему, Когда он снимет белые покровы И черные покровы я сниму.

И мальчику английскому вожатым Я буду на дороге в небеса И там как равный встану рядом с братом, Его золотые глядя волосы.

THE BLOSSOM

Merry Merry Sparrow Under leaves so green A happy Blossom Sees you swift as arrow Seek your cradle narrow Near my Bosom.

Pretty Pretty Robin Under leaves so green A happy Blossom Hears you sobbing sobbing Pretty Pretty Robin Near my Bosom.

ЦВЕТОК

Радостный Воробышек, Под листом Цветок Затаен: Жду - стрелюю сладкой Ляжешь, как в кроватку, В мой бутон!

Милая Малиновка, Под листом Цветок Затаен: Слышу - ты рыдаешь И слезу роняешь В мой бутон!

THE CHIMNEY SWEEPER

When my mother died I was very young, And my father sold me while yet my tongue, Could scarcely cry weep weep weep weep. So your chimneys I sweep in soot I sleep.

Theres little Tom Dacre, who cried when his head That curi'd like a lambs back, was shav'd, so I said, Hush Tom never mind it, for when your head's bare, You know that the soot cannot spoil your white hair.

And so he was quiet, that very night, As Tom was a sleeping he had such a sight, That thousands of sweepers Dick, Joe, Ned Jack Were all of them lock'd up in coffins of black,

And by came an Angel who had a bright key, And he open'd the coffins set them all free. Then down a green plain leaping laughing they run And wash in a river and shine in the Sun.

Then naked white, all their bags left behind, They rise upon clouds, and sport in the wind. And the Angel told Tom, if he'd be a good boy, He'd have God for his father never want joy.

And so Tom awoke and we rose in the dark And got with our bags our brushes to work. Tho' the morning was cold, Tom was happy warm. So if all do their duty, they need not fear harm.

&&&&&&& МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Когда я еще начинал лепетать, Ушла навсегда моя бедная мать Отец меня продал, - я сажу скребу И черную вам прочищаю трубу.

Заплакал обстриженный наголо Том. Его я утешил: "Не плачь, ведь зато, Покуда кудрями опять не оброс, Не сможет и сажа испачкать волос".

Затих и уснул он, приткнувшись к стене, И ночью привиделись Тому во сне Гробы на поляне - и их миллион, А в них трубочисты - такие, как он.

Но Ангел явился в сиянии крыл И лучиком света гробы отворил. И к речке помчалась ватага детей, Чтоб сажу в воде оттереть поскорей.

Мешки побросав и резвясь на ветру, Затеяли в облаке белом, игру. Сказал Тому Ангел: "Будь чистым душой! И Бог, как отец, встанет рядом с тобой".

Со всеми во тьме пробудился наш Том, Со всеми за щетку с тяжелым мешком И утром промозглым согрет трубочист: Трудящийся честно пред Господом чист.

THE LITTLE BOY LOST

Father, father, where are you going O do not walk so fast. Speak father, speak to your little boy Or else I shall be lost,

The night was dark no father was there The child was wet with dew. The mire was deep, the child did weep And away the vapour flew.

& ЗАБЛУДИВШИЙСЯ СЫН

"Отец, отец, куда же ты? Зачем так торопиться? Не слыша слова твоего, Могу я заблудиться!"

Дитя измокло от росы, В трясину оступилось; Отца с ним нет - пропал и след, Виденье растворилось...

THE LITTLE BOY FOUND

The little boy lost in the lonely fen, Led by the wand'ring light, Began to cry, but God ever nigh, Appeard like his father in white.

He kissed the child by the hand led And to his mother brought, Who in sorrow pale, thro' the lonely dale Her little boy weeping sought.

& ОБРЕТЕННЫЙ СЫН

Заплакал мальчик в темноте, Среди болот блуждая И тут пред ним отцом родным Предстал Господь, сияя!

И за руку ребенка взял, И к матери отвел, Что ночь брела, дитя звала, Слезами полня дол.

LAUGHING SONG

When the green woods laugh with the voice of joy And the dimpling stream runs laughing by, When the air does laugh with our merry wit, And the green hill laughs with the noise of it.

When the meadows laugh with lively green And the grasshopper laughs in the merry scene, When Mary and Susan and Emily, With their sweet round mouths sing Ha, Ha, He.

When the painted birds laugh in the shade Where our table with cherries and nuts is spread Come live be merry and join with me, To sing the sweet chorus of Ha, Ha, He.

& ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Когда, заливаясь, смеется ручей И полон воздух веселых речей, Смеется роща, смеемся мы, И эхом смеющимся вторят холмы,

Смеются луга зеленой травой, Смеется кузнечик, укрытый листвой, И девушки, сладкие губы раскрыв, Выводят со смехом веселый мотив,

И птицы згянут, оглашая дол, И в тени накрыт с угощением стол А ну-ка с нами веселья испей И хохотом, хохотом радость излей!

A CRADLE SONG

Sweet dreams form a shade, O'er my lovely infants head. Sweet dreams of pleasant streams, By happy silent moony beams

Sweet sleep with soft down, Weave thy brows an infant crown. Sweet sleep Angel mild, Hover o'er my happy child.

Sweet smiles in the night, Hover over my delight. Sweet smiles Mothers smiles All the livelong night beguiles.

Sweet moans, dovelike sighs, Chase not slumber from thy eyes, Sweet moans, sweeter smiles, All the dovelike moans beguiles.

Sleep sleep happy child. All creation slept and smil'd. Sleep sleep, happy sleep, While o'er thee thy mother weep

Sweet babe in thy face, Holy image I can trace. Sweet babe once like thee, Thy maker lay and wept for me

Wept for me for thee for all, When he was an infant small. Thou his image ever see. Heavenly face that smiles on thee.

Smiles on thee on me on all, Who became an infant small, Infant smiles are his own smiles, Heaven earth to peace beguiles,

& КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сладкий сон, пеленой Чадо милое укрой Из лунных лучей Ты над ним свой полог свей.

Чадо, спи - златым венцом Пух сияет над челом, И кружит в головах Кроткий ангел на крылах.

Ты, улыбка, приходи С нами ночь проведи; И улыбкой станет мать Чадо ночью охранять.

Пусть ни легкий вздох, ни стон Не тревожат детский сон Нежною улыбкой мать Станет вздохи отгонять.

Чадо, спи - кругом темно, Все с улыбкой спят давно. Спи, радость моя Над тобой поплачу я.

Глядя в колыбель твою, Лик священный узнаю: Некогда создатель твой Так оплакал

жребий мой.

Как ребенок, тих и мил Он пришел и всех простил, И его небесный лик Над вселенною возник.

Будет он всегда с тобой, Чтоб улыбкою святой На твоих устах сиять, Проливая благодать.

THE DIVINE IMAGE

To Mercy Pity Peace and Love, All pray in their distress: And to these virtues of delight Return their thankfulness.

For Mercy Pity Peace and Love, Is God our father dear: And Mercy Pity Peace and Love, Is Man his child and care.

For Mercy has a human heart Pity, a human face: And Love, the human form divine, And Peace, the human dress.

Then every man of every clime, That prays in his distress, Prays to the human form divine Love Mercy Pity Peace.

And all must love the human form, In heathen, turk or jew. Where Mercy, Love Pity dwell, There God is dwelling too.

& СВЯТОЙ ОБРАЗ

Добро, Терпимость, Мир, Любовь В несчастье мы зовем И сим достоинствам святым Возносим наш псалом.

Добро, Терпимость, Мир, Любовь Все это Бог Благой; Добро, Терпимость, Мир, Любовь Все это мы с тобой!

Ведь наше сердце у Добра, Терпимость льет наш свет. Святой наш образ у Любви И Мир, как мы, одет.

Мы - люди, жители земли, В несчастье все зовем Добро, Терпимость, Мир, Любовь Во образе людском!

О если б образ наш святой Любой в любом берег! Где Мир, Терпимость и Любовь Там, собственно, и Бог!

HOLY THURSDAY

Twas on a Holy Thursday their innocent faces clean The children walking two two in red blue green Grey headed beards walkd before with wands as white

as snow Till into the high dome of Pauls they like Thames waters

flow

O what a multitude they seemd these flowers of

London town Seated in companies they sit with radiance all their own The hum of multitudes was there but multitudes of lambs Thousands of little boys girls raising their innocent

hands

Now like a mighty wind they raise to heaven the voice

of song Or like harmonious thunders the seats of heaven

among Beneath them sit the aged men wise guardians

of the poor Then cherish pity; lest you drive an angel from

your door

&&&& СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

И вот настал Святой Четверг - колонною несметной Шагают дети парами в одежде разноцветной. К Святому Павлу их ведут наставники седые Как будто Темза потекла под купола святые.

О сколько, Лондон, ты таишь цветов дикорастущих, В невинных личиках своих сияние несущих! И гул под сводами стоит - то агнцы Бога просят И тысячи невинных рук они горе возносят.

Единым духом, словно вихрь, взмывает песнопенье И словно дружный гром, грядет в Небесные Владенья! А вы, заступники сирот, добро свое творите Стучащегося ангела с порога не гоните.

NIGHT

The sun descending in the west, The evening star does shine, The birds are silent in their nest, And I must seek for mine, The moon like a flower, In heavens high bower; With silent delight, Sits and smiles on the night.

Farewell green fields and happy groves, Where flocks have took delight; Where lambs have nibbled, silent moves The feet of angels bright; Unseen they pour blessing, And joy without ceasing, On each bud and blossom, And each sleeping bosom.

They look in every thoughtless nest, Where birds are covered warm; They visit caves of every beast, To keep them all from harm: If they see any weeping, That should have been sleeping They pour sleep on their head And sit down by their bed.

When wolves and tygers howl for prey They pitying stand and weep; Seeking to drive their thirst away, And keep them from the sheep, But if they rush dreadful; The angels most heedful, Recieve each mild spirit, New worlds to inherit.

And there the lions ruddy eyes, Shall flow with tears of gold: And pitying the tender cries, And walking round the fold: Saying: wrath by his meekness And by his health, sickness, Is driven away, From our immortal day.

And now beside thee bieating lamb, I can lie down and sleep; Or think on him who bore thy name, Grase after thee and weep. For wash'd in lifes river, My bright inane for ever, Shall shine like the gold, As I guard o'er the fold.

НОЧЬ

На западе горит закат Вечернею звездой, По гнездам птенчики молчат И мне уж на покой. А в небе безбрежном Соцветием нежным, Чиста и бледна, Раскрылась луна.

Прощайте, звонкий луг и дол! Прощай, зеленый лес! Уж ангелов дозор сошел С блистающих небес: И каждой былинке Они по слезинке Несут Божий дар Блаженства нектар.

И к каждой норке подойдут, И к каждому гнезду, Верша свой милосердный труд, Чтоб отвести беду: Услышав рыданья Земного созданья Со сном поспешат И боль утишат.

А если тигры в эту ночь Хотят овцу набрать Спешат рыданьями помочь И алчиость их унять. А если не много Дала их подмога То душу с собой Берут в мир иной.

А там овечек смирный лев На пастбище хранит Сменив на слезы прежний гнев, Он овцам говорит: "Ваш Пастырь любовью И пролитой кровью Грехи искупил И мир наступил.

С тобою, агнец, на лугу Мы будем спать вдвоем Здесь вечно думать я могу О Пастыре твоём. Я гриву омою Живою водою, Чтоб шар золотой Сиял над тобой".

SPRING

Sound the Flute! Now it's mute. Birds delight Day and Night. Nightingale In the dale Lark in Sky Merrily Merrily Merrily to welcome in the Year

Little Boy Full of joy. Little Girl Sweet and small. Cock does crow So do you. Merry voice Infant noise Merrily Merrily to welcome in the Year

Little Lamb Here I am, Come and lick My white neck. Let me pull Your soft Wool. Let me kiss Your soft face. Merrily Merrily we welcome in the Year

ВЕСНА

Трубный звук Смолкяул вдруг, И кругом Птичий гам! Слышу я Соловья И для всех Звонкий смех! Весело, весело, приходи, Весна!

Мил и шум Малышам, Смех детей Все слышней! Петушок На шесток! Покричим Вместе с ним! Весело, весело, приходи, Весна!

Агнец мой, Ты со мной, Так игрив И кудряв И тебя Буду я Обнимать, Целовать! Весело, весело, приходи, Весна!

NURSE'S SONG

When the voices of children are heard on the green And laughing is heard on the hill, My heart is at rest within my breast And everything else is still

Then come home my children, the sun is gone down And the dews of night arise Come come leave off play, and let us away Till the morning appears in the skies

No no let us play, for it is yet day And we cannot go to sleep Besides in the sky, the little

birds fly And the hills are all covered with sheep

Well well go play till the light fades away And then go home to bed The little ones leaped
shouted laugh'd And all the hills echoed

&&& ПЕСНЯ НЯНИ

Когда, играя, дети шумят И смехом полнится луг, День заверша, покойна душа, И так
покойно вокруг.

Пора по домам, скоро закат, И луг роса остудит! Пора, пора! Вернемся с утра! Все игры
еще впереди!

Ах, рано, нет-нет! Так радостен свет! Какой же может быть сон! Еще не закат, и птички
не спят, И пестреет овцами склон!

Ну ладно, ступайте, еще поиграйте! Но к закату все по домам! Восторг их велик, и
радостен крик, И эхо летит по холмам!

INFANT JOY

I have no name I am but two days old. What shall I call thee? I happy am Joy is my name,
Sweet joy befall thee!

Pretty joy! Sweet joy but two days old. Sweet joy I call thee: Thou dost smile. I sing the while
Sweet joy befall thee.

ДИТЯ-РАДОСТЬ

- Мне имя дай Ведь мне всего два дня! - Как же назвать, я гадаю? - В жизнь я пришла,
Радость нашла! - Счастья тебе пожелаю!

Дитя мое, Тебе всего два дня Радостью я нарекаю! Стоя над зыбкой С нежной улыбкой,
Счастья тебе пожелаю!

A DREAM

Once a dream did weave a shade, O'er my Angel-guarded bed, That an Emmet lost it's way
Where on grass methought I lay.

Troubled wilder and folorn Dark benighted travel-worn, Over many a tangled spray, All
heart-broke I heard her say.

O my children! do they cry, Do they hear their father sigh. Now they look abroad to see, Now
return and weep for me.

Pitying I drop'd a tear: But I saw a glow-worm near: Who replied. What wailing wight Calls
the watchman of the night.

I am set to light the ground, While the beetle goes his round: Follow now the beetles hum,
Little wanderer hie thee home.

СОН

Спал я, окруженный тьмою Ангел вился надо мною... Я лежу в траве, а в ней
Заблудился Муравей.

Мраком он окутан темным Страшно быть в ночи бездомным! Он идти уже не мог И в
корнях корявых лег.

"Видно, не дойду до дому! Дети по лесу глухому Тщетно кликают меня Но во мраке ни
огня..."

И залился я слезами... Вижу - Светлячок над нами Засветился и сказал: "Кто ночного
стража звал?!"

Я - Огонь в Ночи Горящий, И со мною Жук Жужжащий Полетим над головой.
Поспеш-ка ты домой!"

ON ANOTHERS SORROW

Can I see anothers woe, And not be in sorrow too. Can I see anothers grief, And not seek for
kind relief.

Can I see a falling tear, And not feel my sorrows share, Can a father see his child, Weep, nor
be with sorrow fili'd.

Can a mother sit and hear, An infant groan an infant fear No no never can it be. Never never
can it be.

And can he who smiles on all Hear the wren with sorrows small, Hear the small birds grief

care Hear the woes that infants bear

And not sit beside the nest Pouring pity in their breast. And not sit the cradle near Weeping
tear on infants tear.

And not sit both night day, Wiping all our tears away. O! no never can it be. Never never can
it be.

He doth give his joy to all. He becomes an infant small. He becomes a man of woe He doth
feel the sorrow too.

Think not, thou canst sigh a sigh, And thy maker is not by. Think not, thou canst weep a tear,
And thy maker is not near.

O! he gives to us his joy, That our grief he may destroy Till our grief is fled gone He doth sit
by us and moan.

&&& О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Если горе у других Как не мучиться за них? Если ближнему невмочь Как же можно не
помочь?

Как на страждущих смотреть И при этом не скорбеть? Как отцу при детском плаче Не
пролить слезы горячей?

И какая может мать Плачу чада не внимать? Нет! Такому не бывать! Никогда не
бывать!

Как Тому, Кто всем Отец, Видеть, что в беде пленец, Видеть, как дитя страдает,
Слышать, как оно рыдает,

И не подойти к гнезду, И не отвести беду, И не быть все время рядом, И не плакать
вместе с чадом,

В изголовье не стоять, Горьких слез не отирать? Нет! Такому не бывать! Никогда не
бывать!

Как дитя. Он тих и мил Он пришел и всех простил; Он изведаль горе Сам Потому
снисходит к нам.

Если ты грустишь порою Знай: Творец грустит с тобою. Если плачешь, удручен Знай: с
тобою плачет Он.

Радость Он несет с Собою, Бьется с нашею бедою. И покуда всех не спас Он страдает
подле нас.

* SONGS OF EXPERIENCE * * ПЕСНИ ОПЫТА *

INTRODUCTION

Hear the voice of the Bard! Who Present, Past, Future sees Whose ears have heard, The Holy
Word, That walk'd among the ancient trees.

Calling the lapsed Soul And weeping in the evening dew: That might controll The starry pole:
And fallen fallen light renew!

O Earth O Earth return! Arise from out the dewy grass; Night is worn, And the morn Rises
from the slumberous mass.

Turn away no more: Why wilt thou turn away The starry floor The watry shore Is giv'n thee
till the break of day.

& ВСТУПЛЕНИЕ

Слушай Барда Глас! Все времена прозрев, Он слышал не раа Священный Наказ Слова,
что шло меж дерев.

Падших оно зовет, Плачет вечерней росой; Верша с высот Созвездий ход, Светоч
зажжет над тьмой!

Воротись, о Земля, скорей! Восстань от росных трав! Рассвет сильнее Ночных Теней
Он грядет, от сна восстав!

Слово тебя зовет! Слушай, слушай меня! А звездный свод И берег вод Исчезнут с
приходом Дня!

EARTH'S ANSWER

Earth rais'd up her head, From the darkness dread drear, Her light fled: Stony dread! And her
locks cover'd with grey despair.

Prison'd on watry shore Starry Jealousy does keep my den Cold and hoar Weeping o'er I hear
the Father of the ancient men

Selfish father of rtiem Gruel jealous selfish fear Can delight Chain'd in night The virgins of
youth and morning bear.

Does spring hide its joy When buds and blossoms grow? Does the sower? Sow by night? Or
the plowman in darkness plow?

Break this heavy chain, That does freeze my bones around Selfish! vain! Eternal bane! That
free Love with bondage bound.

& ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Земля ответила, в слезах Привстав с ледяной постели Лишь тьма и страх В ее очах, И
волосы поседели.

"Я в берегах заточена Звезды мой сон сторожат; А я, бледна И холодна, Творцу
внимаю, дрожа.

Самовлюбленный Творец! О стражник жестокий. Страх! Меркнут в ночи Света лучи
Юность не может цвести в кандалах!

Разве цветам и бутонам весне Радоваться запрещено? Разве зерно Сеют в ночи? Кто ж
пашет, когда темно?

Приди, освободитель! В жилах моих стынет кровь! Вечный Учитель Вечный Мучитель!
Цепями сковал Любовь!"

THE CLOD THE PEBBLE&

Love seeketh not Itself to please, Nor for itself hatli any care; But for another gives its ease,
And builds a Heaven in Hells despair.

So sang a little Clod of Clay, Trodden with the catties feet; But a Pebble of the brook,
Warbled out these metres meet.

Love seeketh only Self to please, To bind another to Its delight: Joys in anothers loss of ease,
And builds a Hell in Heavens despite.

КОМ ГЛИНЫ И КАМЕНЬ

"Любовь прекрасна и скромна, Корысти ей не надо; За нас в огонь пойдет она С ней
Рай и в бездне Ада!"

Так пел Ком Глины в колее, Попавший под копыто. На это Камень из ручья Ответил
ядовито:

"Любовь корыстна и жадна! Покоя нас лишая, Все под себя гребет она С ней Ад и в
кущах Рая!"

HOLY THURSDAY

Is this a holy thing to see, In a rich and fruitful land, Babes redued to misery, Fed with cold
and usurous hand?

Is that trembling cry a song? Can it be a song of joy? And so many children poor? It is a land
of poverty!

And their sun does never shine. And their fields are bleak bare, And their ways are fili'd with
thorns It is eternal winter there.

For where-e'er the sun does shine, And where-e'er the rain does fall: Babe can never hunger
there, Nor poverty the mind appall.

& СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Благое ль дело на земле Богатой, плодородной Смотреть, как детям подает Богач с
душой холодной?

Не славу взносит этот хор Не с радости поющих Здесь тыщи маленьких сирот! Здесь
Царство Вопиющих!

Здесь солнца луч не светит им, Здесь их терзает голод, Здесь тропы терниев полны И
вечен лютый холод.

А где земля под солнышком И дождиком полита, Дитя не может голодать И Нищета
забыта!

THE LITTLE GIRL LOST

In futurity I prophetic see, That the earth from sleep, (Grave the sentence deep)
Shall arise and seek For her maker meek: And the desart wild Become a garden mild.

x x x

In the southern clime, Where the summers prime, Never fades away; Lovely Lyca lay.
Seven summers old Lovely Lyca told, She had wanderd long, Hearing wild birds song.
Sweet sleep come to me Underneath this tree; Do father, mother weep, "Where can Lyca
sleep".

Lost in desart wild Is your little child. How can Lyca sleep, If her mother weep.
If her heart does ake, Then let Lyca wake; If my mother sleep, Lyca shall not weep.
Frowning frowning night, O'er this desart bright, Let thy moon arise, While I close my eyes.
Sleeping Lyca lay; While the beasts of prey, Come from caverns deep, View'd the maid
asleep

The kingly lion stood And the virgin view'd, Then he gambold round O'er the hallowd
ground:

Leopards, tygers play, Round her as she lay; While the lion old, Bow'd his mane of gold,
And her bosom lick, And upon her neck, From his eyes of flame, Ruby tears there came;
While the lioness Loos'd her slender dress, And naked they convey'd To caves the sleeping
maid.

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ ДОЧЬ

Чтоб не забывали, Выбей на скрижали: "Придут времена Сбросить пути сна
И Земля очнется И к Творцу вернется, И пустыня канет Чудным садом станет!"

x x x

Там, где вечно лето И земля согрета, Девочка лежала Вот что вспоминала:
По лесу без края, Пенью птиц внимая, Долго Лика шла Отдохнуть легла.
Мне бы спать и спать! Но отец и мать Плачут день и ночь: "Где ты, наша дочь?!"
Ах, несчастье с Ликой Бродит в чаще дикой И не может спать Слышит: плачет мать!
Слыша эти крики, Не забытья Лике; А затихнет мать Можно Лике спать.
Прогони же. Ночь, С неба тучи прочь! Высвети луну Я тогда усну.
Лес вокруг шумит Лика крепко спит; Тихо вышли звери, Жившие в пещере:
Вышел лев могучий С гривой дремучей, Обошел степенно Спящая священна!
Вкруг играли игры Леопарды, тигры; Лев, над Ликой стоя, Гривой золотою
Клонится все ниже, Нежно Лику лижет Слезы, как рубины, Катятся на глины.
Львица пожалела Спящую раздела; И укрыли звери Девочку в пещере.

THE LITTLE GIRL FOUND

All the night in woe, Lyca's parents go: Over vallies deep, While the desarts weep.
Tired and woe-begone, Hoarse with making moan: Arm in arm seven days, They trac'd the
desart ways.

Seven nights they sleep, Among shadows deep: And dream they see their child Starv'd in
desart wild.

Pale thro' pathless ways The fancied image strays, Famish'd, weeping, weak With hollow
piteous shriek

Rising from unrest, The trembling woman prest, With feet of weary woe; She could no further
go.

In his arms he bore, Her arm'd with sorrow sore: Till before their way, A couching lion lay.
Turning back was vain, Soon his heavy mane, Bore them to the ground; Then he stalk'd
around.

Smelling to his prey, But their fears allay, When he licks their hands: And silent by them
stands.

They look upon his eyes Fili'd with deep surprise: And wondering behold, A spirit arm'd in
gold.

On his head a crown On his shoulders down, Flow'd his golden hair. Gone was all their care.
Follow me he said, Weep not for the maid: In my palace deep, Lyca lies asleep.

Then they followed, Where the vision led: And saw their sleeping child, Among tygers wild.
To this day they dwell In a lonely dell Nor fear the wolvis howl, Nor the lions growl.

ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

Мать с отцом всю ночь Тщетно ищут дочь Эхо, плачу вторя, Делит с ними горе.
Так семь дней идут, Девочку зовут И вздыхают тяжело: "Где она, бедняжка?!"
Спали семь ночей Средь глухих теней; В страшном сне им снилось: "Лица заблудилась
В чаще, без дороги, Оцарапав ноги, Бродит дни и ночи Выплакала очи!"
Сон лишь муки множит Мать идти не может. Но, ее жалея, Стал отец сильнее
И без долгих слез Сам ее понес. Вдруг из тьмы дремучей Вышел лев могучий!
Пали мать с отцом Перед страшным львом... Ноздри раздувая, Гривой потрясая,
Лев обходит кругом Скованных испугом И, склонившись ниже, Ласково их лижет.
И глазам не веря, Мать с отцом не зверя Чудо Золотое Видят пред собою!
Дух предстал пред ними С кудрями льняными, А венец и латы Из литого злата!
Он сказал: "Идем В мой пещерный дом Там в подземном гроте Дочь свою найдете".
Вскоре, как хотели, Мать с отцом узрели, Как вокруг Лики тигры Заводили игры.
И поднесь в пещере Не страшны им звери; Там не слышно рыка Спит спокойно Лица.

THE CHIMNEY SWEEPER

A little black thing among the snow: Crying weep, weep, in notes of woe! Where are thy
father mother? say? They are both gone up to the church to pray.

Because I was happy upon the heath, And smil'd among the winters snow; They clothed me in
the clothes of death, And taught me to sing the notes of woe.

And because I am happy, dance sing, They think they have done me no injury: And are gone
to praise God his Priest Kingj Who make up a heaven of our misery.

&&&& МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Весь в саже на белом снегу он маячит. "Почищу! Почищу!" - кричит, словно плачет.
"Куда подевались отец твой и мать?" "Ушли они в церковь псалмы распевать.

Затем, что я пел по весне, словно птица, И был даже в зимнюю пору счастлив,
Заставили в саван меня обрядиться И петь научили на грустный мотив.

Затем, что я снова пляшу и пою, Спокойно родители в церковь ушли И молятся Богу,
Святым, Королю, Что Небо на наших слезах возвели".

NURSES SONG

When the voices of children, are heard on the green And whisprings are in the dale: The days
of my youth rise fresh in my mind, My face turns green and pale.

Then come home my children, the sun is gone down And the dews of night arise Your spring
your day, are wasted in play And your winter and night in disguise.

& ПЕСНЯ НЯНИ

Когда, играя, дети шумят На весеннем звонком лугу, Я вспоминаю юность свою И
горечь унять не могу.

Пора по домам, скоро закат, И луг роса остудит! Как славно играть все дни и не знать
Ни зимы, ни тьмы впереди!

THE SICK ROSE

O Rose thou art sick. The invisible worm, That flies in the night In the howling storm;
Has found out thy bed Of crimson joy: And his dark secret love Does thy life destroy.

ЧАХНУЩАЯ РОЗА

О Роза, ты чахнешь! Окутанный тьмой Червь, реющий в бездне, Где буря и вой,
Пунцовое лоно Твое разорвет И черной любовью, Незримый, терзает.

THE FLY

Little Fly Thy summers play, My thoughtless hand Has brush'd away.

Am not I A fly like thee? Or art not thou A man like me?

For I dance And drink sing: Till some blind hand Shall brush my wing.

If thought is life And strength breath: And the want Of thought is death;

Then am I A happy fly, If I live, Or if I die.

&& МОТЫЛЕК

Бездумно танец Мотылька Оборвала Моя рука.

А чем и я Не мотылек? Ведь нам один Отпущен срок:

Порхаю И пою, пока Слепая Не сомнет рука.

Считают: мысль Есть жизнь и свет, А нет ее И жизни нет;

А я порхаю Над цветком Таким же точно Мотыльком!

THE ANGEL

I Dreamt a Dream! what can it mean? And that I was a maiden Queen: Guarded by an Angel mild: Witless woe, was neer beguil'd!

And I wept both night and day And he wip'd my tears away And I wept both day and night And hid from him my hearts delight

So he took his wings and fled: Then the morn blush'd rosy red: I dried my tears armd my fears, With ten thousand shields and spears.

Soon my Angel came again: I was ann'd, he came in vain: For the time of youth was fled And grey hairs were on my head

& АНГЕЛ

И был в ночи мне сон чудной: Была я Девой молодой; Со мною бился Ангелок: Ледышку! - соблазнить не мог!

Я день и ночь была в слезах Стоял мой Ангел в головах; И день, и ночь томилась я, Желанье от него тая.

Тогда меня покинул он; Зарей зарделся небосклон; Девичьим Страхам поскорей Дала я тысячу мечей!

Вернулся Ангел из ночи Зачем?! - При мне мои мечи! Младое время пронеслось Пришла пора седых волос...

THE TYGER

Tyger Tyger, burning bright, In the forests of the night; What immortal hand or eye, Could frame thy fearful symmetry?

In what distant deeps or skies, Burnt the fire of thine eyes? On what wings dare he aspire? What the hand, dare sieze the fire?

And what shoulder, what art, Could twist the sinews of thy heart? And when thy heart began to beat, What dread hand? what dread feet?

What the hammer? what the chain, In what furnace was thy brain? What the anvil? what dread grasp, Dare its deadly terrors clasp?

When the stars threw down their spears And water'd heaven with their tears: Did he smile his work to see? Did he who made the Lamb make thee?

Tyger Tyger burning bright, In the forests of the night: What immortal hand or eye, Dare frame thy fearful symmetry?

&& ТИГР

Тигр, о Тигр, в крошечный мрак Огненный вперивший зрак! Кто сумел тебя создать? Кто сумел от тьмы отъять?

Из пучины иль с небес Вырван огонь твоих очес? Кто к огню простер крыла? Чья десница унесла?

Кто узлом железных жил Твое сердце напружил? Кто слышал, как дик и яр Первый бешеный удар?

Кто ужасный млат вздымал? Кто в клещах твой мозг сжимал? А когда сошел на нет Предрассветный звездный свет

Неужели был он рад. Встретив твой зловеющий взгляд? Неужели это был Тот, кто Агнца сотворил?

Тигр, о Тигр, в крошечный мрак Огненный вперивший зрак! Кто посмел тебя создать? Кто посмел от тьмы отъять?

MY PRETTY ROSE TREE

A flower was offerd to me: Such a flower as May never bore. But I said I've a Pretty

Rose-tree, And I passed the sweet flower o'er.

Then I went to me Pretty Rose-tree: To tend her by day and by night. But my Rose turned away with jealousy: And her thorns were my only delight.

МОЙ МИЛЫЙ РОЗОВЫЙ КУСТ

Коснуться прекраснейших уст Цветок поманил и раскрылся... "А я люблю Розовый Куст!" Сказал я и не наклонился...

И вскоре, припав у Куста, Хотел насладиться я Розой Но та затворила уста, Шипы выставляя с угрозой.

АН! SUN-FLOWER

Ah Sun-flower! weary of time, Who countest the steps of the Sun: Seeking after that sweet golden clime, Where the travellers journey is done.

Where the Youth pined away with desire, And the pale Virgin shrouded in snow: Arise from their graves and aspire, Where my Sun-flower wishes to go.

АХ, ПОДСОЛНУХ...

Ах, Подсолнух, прикованный взглядом К Светилу на все времена! Как манит блистающим Садам Блаженная присно страна!

Туда из могильной темницы И дева, строга и горда, И юноша страстный стремится И ты, мой Подсолнух - туда!..

THE LILLY

The modest Rose puts forth a thorn: The humble Sheep, a threatening horn: While the Lilly white, shall in Love delight, Nor a thorn nor a threat stain her beauty bright.

ЛИЛИЯ

Стыдливая Роза шипами грозит, Овечка-тихоня боднуть норовит Любит открыто лишь белая Лилия И не вершит над собою насилия.

THE GARDEN OF LOVE

I went to the Garden of Love. And saw what I never had seen: A Chapel was built in the midst, Where I used to play on the green.

And the gates of this Chapel were shut, And Thou shalt not, writ over the door; So I turned to the Garden of Love, That so many sweet flowers bore,

And I saw it was filled with graves, And tomb-stones where flowers should be: And Priests in black gowns, were walking their rounds, And binding with briars, my joys and desires.

& САД ЛЮБВИ

Я однажды пошел в Сад Любви Я глядел и не верил глазам: На лугу, где играл столько раз, Посредине поставили Храм.

Были двери его на замке Прочитал я над ними: "Не смей!" И тогда заглянул в Сад Любви Посмотреть на цветы юных дней.

Но увидел могилы кругом И надгробия вместо цветов И священники с пеньем моим наслажденьям Из вервий терновых крепили оковы.

THE LITTLE VAGABOND

Dear Mother, dear Mother, the Church is cold. But the Ale-house is healthy pleasant warm: Besides I can tell where I am used well. Such usage in heaven will never do well.

But if at the Church they would give us some Ale, And a pleasant fire, our souls to regale: We'd sing and we'd pray all the live-long day: Nor ever once wish from the Church to stray.

Then the Parson might preach drink sing, And we'd be as happy as birds in the spring: And modest dame Lurch, who is always at Church, Would not have bandy children nor fasting nor birch.

And God like a father rejoicing to see, His children as pleasant and happy as he: Would have no more quarrel with the Devil or the Barrel But kiss him give him both drink and apparel.

&&&& МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯГА

Ах, матушка, в церкви сквозняк продувной! Куда как теплей и приятней в пивной! Там пива в достатке, и пьют без оглядки В раю же, известно, другие порядки.

Вот кабы нам в церкви пивка на заказ Да возле огня отогрели бы нас, Так ночью и днем молиться начнем Из церкви не выставишь нас нипочем!

Священнику пить бы и петь бы псалмы И словно птенцы, были б счастливы мы! А строгой старухе вернем оплеухи И пусть попостится сама с голодухи!

И Бог возликует, отечески рад, Увидев божественно счастливых чад, И внидя в церквушку, закатыт пирушку, Деля с Сатаною дерюжку и кружку!

LONDON

I wander thro'each charter'd street, Near where the charter'd Thames does flow And mark in every face I meet Marks of weakness, marks of woe.

In every cry of every Man, In every Infants cry of fear, In every voice; in every ban, The mmd-forg'd manacles I hear

How the Chimney-sweepers cry Every blackning Church appalls, And the hapless Soldiers sigh Runs in blood down Palace walls

But most thro' midnight streets I hear How the youthful Harlots curse Blasts the new-born Infants tear And blights with plagues the Marriage hearse

ЛОНДОН

По узким улицам влеком, Где Темза скованно струится, Я вижу нищету кругом, Я вижу горестные лица.

И в каждой нищенской мольбе, В слезах младенцев безгреховных, В проклятьях, посланных судьбе, Я слышу лязг оков духовных!

И трубочистов крик трясет Фундаменты церковей суровых, И кровь солдатская течет Вотще у гордых стен дворцовых.

И страшно мне, когда в ночи От вопля девочки в борделе Слеза невинная горчит И брачные смердят постели.

THE HUMAN ABSTRACT

Pity would be no more, If we did not make somebody Poor: And Mercy no more could be, If all were as happy as we:

And mutual fear brings peace: Till the selfish loves increase. Then Cruelty knits a snare, And spreads his baits with care.

He sits down with holy fears, And waters the ground with tears: Then Humility takes its root Underneath his foot.

Soon spreads the dismal shade Of Mystery over his head; And the Gatterpillar and Fly, Feed on the Mystery.

And it bears the fruit of Deceit, Ruddy and sweet to eat: And the Raven his nest has made. In its thickest shade.

The Gods of the earth and sea, Sought thro' Nature to find this Tree But their search was all in vain; There grows one in the Human Brain

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Когда не станем обирать, Не нужно будет подавать Ни голода, ни жажды, И будет счастлив каждый.

На Страхе держится покой, На Себялюбии - разбой, А ковы Бессердечья В душе плодят увечья.

В тисках запретов и препон Слезами поит землю он И всходит прямо из-под йог Смирения росток.

И Древо Веры мрачный свод Над головою возведет А Гусеница с Мотыльком Листву сгрызут на нем.

И это Древо принесет Обмана сладкий плод; И Ворон сядет, недвижим, Под пологом глухим.

Все боги моря и земли Искали Древо - не нашли! И не видал никто ни разу А Древо возвращивает Разум!

INFANT SORROW

My inother groand! my father wept. Into the dangerous world I leapt: Helpless, naked, piping loud: Like a fiend hid in a cloud.

Struggling in my fathers hands: Striving against my swadling bands: Bound and weary I

thought best To sulk upon my mothers breast.

ДИТЯ-ГОРЕ

Мать с отцом ломали руки Народился я на муки! Я, беспомощный, кричал, Словно бес меня терзал.

Я раскидывал ручонки, Разворачивал пеленки И, не признавая мать, Грудь ее не стал сосать.

A POISON TREE

I was angry with my friend: I told my wrath, my wrath did end. I was angry with my foe: I told it not, my wrath did grow.

And I waterd it in fears, Night morning with my tears: And I sunned it with smiles, And with soft deceitful wiles.

And it grew both day and night, Till it bore an apple bright. And my foe beheld it shine, And he knew that it was mine.

And into my garden stole, When the night had veild the pole; In the morning glad I see, My foe outstretchd beneath the tree.

& ДРЕВО ЯДА

Друг обидел, разозлил Я в словах свой гнев излил. Враг нанес обиду мне Гнев зарыл я в глубине.

Сон утратил и покой, Окроплял его слезой, Над ростками колдовал, Ковы тайные ковал.

Древо выросло, и вот Золотистый вызрел плод, Глянцем радуя меня И врага к себе маня.

Он тайком во тьме ночной Плод отведал наливной... Мертвым я врага нашел И с улыбкою ушел!

A LITTLE BOY LOST

Nought loves another as itself Nor venerates another so, Nor is it possible to Thought A greater than itself to know:

And Father, how can I love you, Or any of my brothers more? I love you like the little bird That picks up crumbs around the door,

The Priest sat by and heard the child, In trembling zeal he siez'd his hair: He led him by his little coat: And all admir'd the Priestly care.

And standing on the altar high, Lo what a fiend is here! said he: One who sets reason up for judge Of our most holy Mystery.

The weeping child could not be heard, The weeping parents wept in vain: They strip'd him to his little shirt, And bound him in an iron chain.

And burn'd him in a holy place, Where many had been burn'd before: The weeping parents wept in vain. Are such things done on Albions shore.

ЗАБЛУДШИЙ СЫН

"Превыше собственного Я Никто не ставит никого! Того Рассудку не понять, Что за пределами его.

Отец! Как больше мне любить Тебя и ближних заодно? Люблю тебя я, как птенца, Что с паперти клюет зерно".

Священник, это услышав, Схватил дитя за волоса И к пастве выволок его Под одобренья голоса.

Затем с амвона возопил: "Се Дьявол в образе людском! Проникнуть тщилась тварь сия В Святые Таинства умом!"

Заплакал мальчик, но вотще! Не помогли и мать с отцом: Он до исподнего раздет, И цепь железная на нем.

Дитя на площади сожгли, Где жег отступников Закон Не помогли и мать с отцом... Ты видел это, Альбион?

A LITTLE GIRL LOST

Children of the future Age, Reading this indignant page; Know that in a former time,

Love! sweet Love! was thought a crime.

In the Age of Gold, Free from winters cold: Youth and maiden bright, To the holy light,
Naked in the sunny beams delight.

Once a youthful pair Fili'd with softest care: Met in garden bright, Where the holy light, Had
just removd the curtains of the night.

There in rising day, On the grass they play: Parents were afar: Strangers came not near: And
the maiden soon forgot her fear.

Tired with kisses sweet They agree to meet, When the silent sleep Waves o'er heavens deep;
And the weary tired wanderers weep.

To her father white Game the maiden bright: But his loving look, Like the holy book, All her
tender limbs with terror shook.

Ona! pale and weak! To thy father speak: O the trembling fear! O the dismal care! That shakes
the blossoms of my hoary hair.

ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

"С гневом, Будущего дети, Прочитайте строки эти, Где поведано стихом, Как
Любовь сочли Грехом!"

В древней той стране Нет конца весне Там и жили Двое Жизнью святою, Не смущаясь
вовсе наготою.

Как-то раз Они Вышли в Сад одни И сердца забились, Светом озарились, Ибо тьмы
завесы приоткрылись.

И Обоих пыл На траву склонил В этот час рассвета Все дремали где-то, И Она не
вспомнила Запрета!

И познав Любовь, Сговорились вновь Выйти на свиданье В час, когда в молчанье На
закате слышится рыданье.

Пред Отцом Она Радости полна Но, пронзая взглядом, Он грозит ей Адом, Словно Он в
Саду был с нею рядом!

"Уна! Ты молчишь! Отчего дрожишь? О! С какой Виною Встала предо Мною?! Ты
Меня покрыла сединою!"

TO TIRZAN

Whate'er is Born of Mortal Birth, Must be consumed with the Earth To rise from Generation
free: Then what have I to do with thee?

The Sexes sprung from Shame Pride Blowd in the morn; in evening died But Mercy changd
Death into Sleep; The Sexes rose to work weep.

Thou Mother of my Mortal part, With cruelty didst mould my Heart. And with false
self-decieving tears, Didst bind my Nostrils Eyes Ears.

Didst close my Tongue in senseless clay And me to Mortal Life betray: The Death of Jesus set
me free. Then what have I to do with thee?

&&& К ФИРЦЕ

Рожденному в земную часть Придется снова в землю пасть, Чтоб встать однажды, не
скорбя И что мне жено до тебя!

В Саду два пола расцвели, Отбросив Стыд, - на гибель шли; Но грешных пожалел
Господь, На труд и плач обрекший Плоть.

О Мать моих земных цепей И горестной тюрьмы моей! Меня ты заточила в склеп, В
котором я и глух, и слеп.

Ты рот забила мне землей И тяжек жребий мой земной! Но спас меня Христос, скорбя
И что мне жено до тебя!

THE SCHOOL-BOY

I love to rise in a summer morn, When the birds sing on every tree; The distant huntsman
winds his horn, And the sky-lark sings with me. O! what sweet company.

But to go to school in a summer morn, O! it drives all joy away; Under a cruel eye outworn,
The little ones spend the day, In sighing and dismay.

Ah! then at times I drooping sit, And spend many an anxious hour, Nor in my book can I take

delight, Nor sit in learnings bower. Worn thro' with the dreary shower.

How can the bird that is born for joy, Sit in a cage and sing. How can a child when fears annoy, But droop his tender wing, And forget his youthful spring.

O! father mother, if buds are nip'd; And blossoms blown away, And if the tender plants are strip'd Of their joy in the springing day, By sorrow and cares dismay,

How shall the summer arise in joy Or the summer fruits appear. Or how shall we gather what griefs destroy Or bless the mellowing year, When the blasts of winter appear.

& УЧЕНИК

Приятно выйти на лужок
Рассветною порой Трубит охотничий рожок,
И жаворонок со мной
Щебечет озорной.

А в школу не хочу идти
И мне там не с руки,
Где под надзором взаперти
В училище тоски
Корпят ученики.

О сколько дней я загубил,
Войдя в постылый класс!
Над книгами лишался сил,
Но знаний не запас
Они мне не указ!

Поет ли птица или нет
Из спутанных тенет?
Как детям быть, когда
Запрет Их крылышки сомнет
И радости убьет?

Отец и мать! Коль вешний цвет
Обронит лепестки,
Коль не увидят яркий свет
Нежнейшие ростки
Под пологом тоски,

То что созреет меж ветвей
На дереве таком?
И пору юности своей
Помянем ли добром
Глухим осенним днем?

THE VOICE OF THE ANCIENT BARD

Youth of delight come hither, And see the opening morn, Image of truth new born. Doubt is fled clouds of reason, Dark disputes artful teasing. Folly is an endless maze. Tangled roots perplex her ways, How many have fallen there! They stumble all night over bones of the dead: And feel they know not what but care: And wish to lead others when they should be led.

&& ГЛАС ДРЕВНЕГО БАРДА

Приди же, Отрок страстный! Свет истины узри
В рожденьи новой зари! Бессильны ныне
Разум косный И словопрений труд напрасный!
В лабиринт по бездорожью Глупость
завлекает ложью И тыщи себя там сгубили!
Блуждают во мраке кладбищем глухим,
Вождями себя возомнили Да вот поводырь бы им нужен самим!

* КОММЕНТАРИИ *

Стихи Блейка, как и всякая серьезная поэзия, требуют внимательного и вдумчивого прочтения. Эти комментарии лишь помогут проследить некоторые системные связи, существующие внутри каждой его книги и между ними, а также обосновать некоторые переводческие решения, сделанные на основании той или иной трактовки текста. Они отнюдь не претендуют на истину в последней инстанции и не отрицают свободы толкования - тем более что блейковское Слово, как и всякую живую поэзию, невозможно втиснуть в узкие рамки однозначной интерпретации.

Английский текст "Песен Невинности и Опыта" дается по гравированным пластинам, с точным соблюдением авторской орфографии и пунктуации. В остальных текстах, в соответствии со сложившейся в английских изданиях традицией, орфография и пунктуация несколько упорядочены для облегчения восприятия.

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ

Вступление

Первое стихотворение цикла вводит читателя в мир идей и образов "Песен Невинности": в нем появляются Дитя и Агнец, символизирующие Христа, "Библейская пастораль" - идиллический пейзаж, наводящий на мысль о Вечности, и Поэт, которого Господь, предстающий в образе младенца, благословляет на труд. Блейк также формулирует здесь свою концепцию создания стиха: музыка слово - записанный текст. Заметим, что уже здесь дитя и смеется и плачет, то есть Блейк с самого начала вводит две темы "Песен Невинности": блаженство в Вечности и страдания на земле.

Пастух

Защита и защищенность - основная тема этого стихотворения, тема, центральная для всего цикла. Здесь как нельзя лучше прослеживается "второй план", столь важный для правильной интерпретации поэзии Блейка: пастырь хранитель стада - является защитником своих овец, и, зная, что он близко, овцы чувствуют себя в безопасности. Точно так же Бог является небесным Пастырем земной паствы, которая "знает" своего Пастыря, то есть верует в него и ощущает его защиту (ср. Иоанн, 10: 14: "Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня").

Звонкий луг

В этом стихотворении Блейк пользуется своим излюбленным приемом: описывая привычную, земную реальность, он трактует ее в широком философском смысле и тем самым вкладывает в нее новое внутреннее содержание. В стихотворении прослежен цикл жизни от "рассвета" до "заката" - от рождения до смерти, и его персонажи (дети и старенький Джон) олицетворяют два противоположных полюса жизни - сразу после прихода из Вечности и перед возвращением в нее. (Ср. у Сведенборга: "Старая, человек сбрасывает плотскую оболочку и снова становится как младенец, но младенец, наделенный мудростью, и одновременно как ангел, ибо ангелы - это дети, которым дарована высшая мудрость".)

Луг (англ. Green) - это обязательная в каждой английской деревне площадка для сборищ, праздников и детских игр. В "Песнях Невинности" он становится также прообразом Рая, небесной идиллии. Заметим, что действие многих стихотворений цикла происходит именно на лугу. Не случайно появляется и зеленый дуб, в "Песнях Невинности" - символ истинной веры и божественной защиты.

Агнец

Стихотворение, построенное как диалог (в котором, разумеется, ребенок говорит и за себя, и за ягненка), поражает четкостью и выразительностью композиции: строки, повторяющиеся рефреном в начале и в конце, показывают, как мысль ребенка движется от восприятия земной действительности к пониманию Бога. Вновь, как и везде в "Песнях Невинности", подчеркивается тесная связь земного и божественного.

Следует отметить, что ответ на вопрос "кем ты создан?" дан здесь напрямую и не вызывает сомнений: агнец создан Богом, как и дитя, при этом и тот и другой суть образы Бога на земле.

Это - одно из самых известных стихотворений Блейка.

Черный мальчик

Социальный пафос, направленный против расового неравенства, немаловажный, но далеко не главный смысловой пласт этого стихотворения, хотя Блейк, вслед за Сведенборгом, отстаивал равенство пред Богом всех рас и религий. (Ср.: "...Язычник может обрести спасение, как и христианин: Небо существует в человеке, и всем, кто носит Небо в себе, дорога туда открыта".) Блейк утверждает, что земные страдания всегда влекут за собой воздаяние на Небе и только через них возможен путь в Вечность. Черный мальчик чувствует себя обделенным из-за цвета своей кожи, но вместе с тем именно она позволяет ему привыкнуть к лучам Любви Господней и стать после смерти небесным вожатым английскому мальчику, облаченному в "белые одежды", но не прошедшему через страдания на земле. В этой жизни равенство невозможно, но в Вечности черный мальчик "как равный" встанет рядом с английским ребенком и даже окажется его покровителем и заступником перед Богом; таким образом, черный мальчик символизирует Христа, страданием искупившего грехи людей и указавшего им путь на Небо.

Цветок

Это, пожалуй, одно из самых "темных" стихотворений цикла, по поводу которого существуют самые разноречивые мнения. Нам наиболее убедительной представляется трактовка стихотворения как образного описания акта зачатия и зарождения новой жизни. Цветок - распространенный образ, обозначающий женское начало, ждет соединения со стремительным Воробышком (своеобразный, но достаточно отчетливый фаллический символ). Во второй строфе Малиновка, олицетворяющая душу только что зачатого ребенка,

рыдает, ибо отныне заключена в телесную оболочку и обречена пройти через все муки и страдания земной жизни.

Принятый в такой трактовке "Цветок" оказывается непосредственно связанным со стихотворением "Дитя- Радость". Это подчеркивает и общая композиция сопровождающих их рисунков.

Маленький трубочист

Библейская основа этого стихотворения достаточно прозрачна: когда душа, пройдя через все страдания земной жизни, восстанет из "черного гроба" плоти, ей будет даровано вечное блаженство - при условии, что душа останется чистой в замаранном грязью теле. Возникает здесь и еще одна тема, очень важная для "Песен Невинности": Добро, Терпимость, Мир, Любовь - наш долг по отношению к ближнему, то, что составляет "божественное соответствие" в человеке, а посему старший трубочист, переносящий тяготы жизни с покорностью Христа, - такой же Ангел-хранитель маленького Тома, как и Господь Хранитель трубочиста.

Грядущая радость в идиллической Вечности отнюдь не отменяет милосердия на земле. Последняя строчка, в своей прямолинейности звучащая некоторым диссонансом по отношению к лирическому строю "Песен Невинности", подчеркивает библейскую дидактику стихотворения, однако у Блейка смысл ее шире прямого назидания: "трудящийся честно" - это не только маленький трубочист, но и всякий, кто исполняет на земле свой долг - прежде всего долг любви к ближнему.

Заблудившийся сын

Обретенный сын

Эти два парных стихотворения допускают разнообразные, хотя и не противоречащие друг другу трактовки. Нам представляется наиболее убедительным следующее толкование: Блейк в аллегорической форме описывает путь от сомнений к обретению веры, от ложной идеи к истинному Богу. "Видение" таким образом становится символом духовных метаний и заблуждений, а его утрата означает возвращение к истинному Отцу (Богу) и к истинной Матери (Церкви, которая на этом этапе еще воспринимается Блейком как прибежище истинной веры и жилище Бога на земле). Следует отметить важный контраст символов стихотворения: "видение" бесплотное, обманчиво, как болотный огонек, тогда как Господь, который возвращает ребенка матери, облечен в человеческий образ (в соответствии со сведенборгианскими представлениями).

Веселая песня

Самое раннее из стихотворений цикла, впервые оно появилось еще в "Поэтических набросках". По замечанию Гирша, это скорее идиллическая, чем библейская пастораль, и интересна она не столько сама по себе, сколько как свидетельство становления Блейка-поэта. Известно, что Блейк любил напевать ее на им же придуманный мотив - многие "Песни Невинности" имели музыкальную основу, но Блейк не владел нотной грамотой, поэтому мелодии его до нас не дошли.

Колыбельная

Идея идентичности человека и Бога, столь важная для "Песен Невинности", очень отчетливо звучит в этом стихотворении: мать поет над младенцем, спящим в колыбели, отождествляя его с младенцем Христом при этом она, как и Христос, охраняет от напастей своего ребенка, а Бог охраняет ее саму. Бог оберегает дитя, и в этом отождествляется с матерью, но вместе с тем он сам заключен в образе младенца - так замыкается круг образов этого стихотворения.

Здесь, как и в большинстве стихотворений "Песен Невинности", Христос предстает не в образе страдающего человека, а в образе безмятежно спящего дитяти. Радость в "Колыбельной" сочетается с печалью, "улыбки" - со "вздохами", но общая ее тональность скорее светлая, чем трагичная; в конце концов духовная благодать побеждает страдания и тяготы земной жизни, которые заставляют мать оплакивать жребий младенца, Христа - жребий ее и всех людей.

Святой Образ

В этом стихотворении, центральном для "Песен Невинности", в наиболее отчетливой форме предстает основная идея цикла: природа человека божественна. Человек и Бог - одно. Любя человека, мы любим и Бога, в Боге же любим его человечность. Здесь прямо названы основные, фундаментальные добродетели мира "Песен Невинности"; Добро, Терпимость, Мир, Любовь, одинаково важные как для жизни земной, так и небесной. Эти добродетели в "совершенной" своей форме существуют на небесах, а в "отраженном" виде (согласно "учению о соответствиях") даны людям, и люди, носящие в себе Святой Образ, должны делиться ими друг с другом. Истинный христианин - тот, кто исповедует Добро, Терпимость, Мир, Любовь, и в этом смысле нет различия между нациями и религиями (ср. у Сведенборга: "Человеку, исповедующему любовь к ближнему, путь на Небо открыт, независимо от его земной религии вера познается не религией. Любой человек, ведущий жизнь нравственную и духовную, заключает в себе Небо").

Святой Четверг

Темой для этого стихотворения послужила ежегодная лондонская церемония: в Святой Четверг (День Вознесения) детей из сиротских приютов приводили в собор Св.Павла, чтобы они могли возблагодарить Бога за милосердие и доброту. Под пером Блейка эта сцена приобретает более широкий смысл: дети - Агнцы, воплощение Невинности - входят в собор под надзором своих наставников-бидлей, то есть земных хранителей, но внутри, пред ликом Божьим, роли меняются - дети становятся олицетворением Христа, то есть небесного Хранителя, и стихотворение превращается в гимн Господнему милосердию.

Ночь

Это стихотворение легко прочитывается с точки зрения системного подхода, то есть в рамках всего цикла, ибо в нем использованы все те же образы. Кроме того, здесь впервые возникает тема смерти; речь идет не столько о жестокости человека, сколько о жестокости природы, против которой бессильны даже ангелы - они могут лишь "рыданьями помочь". Однако стихотворение скорее печально, чем трагично: смерть - это лишь переход в иной, более совершенный мир, где не будет ни слез, ни жестокости (ср.Исаия, II: 6: "Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вод будут вместе, и малое дитя будет водить их").

Весна

В этом стихотворении также нетрудно разглядеть второй план, "перенесение" действия: с одной стороны, это просто песня радости по поводу пробуждения природы, с другой - первые две строки недвусмысленно указывают на то, что речь идет о трубах Страшного Суда, Апокалипсисе и последующем воскресении, то есть стихотворение пророчески рисует картину Вечности, которую дано узреть тем, кто пребывает в состоянии Невинности. Следует помнить, что для Блейка "Невинность" не равнозначна "неведению", напротив, это состояние предполагает высшее, "пророческое" видение и способность Духовным взором постигать явления, скрытые от простого глаза, возможность усматривать в земных событиях их истинный, божественный смысл. Символика стихотворения достаточно прозрачна: Агнец символизирует Бога, приход Весны начало новой жизни.

Песня няни

Детское знание и знание, обретенное с возрастом, - основная тема этого стихотворения. Няня уговаривает детей уйти с веселого луга, зная, что вечер (и дня, и жизни) несет с собой темноту и холод, но дети - как и овцы, и птички - ведают лишь одно: день еще не угас и можно продолжать игру. Няне известно, что день сменяется вечером, а расцвет - старостью, но дети, обладающие "мудростью ангелов", веруют лишь в Радость, ибо эту веру они принесли из Вечности; и няня подчиняется, ибо детское интуитивное, дарованное Богом знание вернее, чем опыт, приобретенный человеком на земле.

Дитя-Радость

Сюжет этого стихотворения прост: мать дает имя своему новорожденному младенцу (момент зачатия которого, согласно нашей трактовке, описан выше, в "Цветке"). Задавая

новорожденной дочери вопросы и отвечая на них, мать выбирает имя: Радость (Joy - Радость - довольно распространенное английское женское имя). Следует, однако, помнить и об ином смысле, который привносится в стихотворение в рамках образной системы цикла: дитя только что явилось из Вечности и еще не утратило "божественного видения" и Радости как следствия и атрибута своей Невинности. Нарекая дочь Радостью, мать одновременно желает, чтобы жизнь девочки была светлой и безоблачной, и запечатлевает в имени отголосок божественной благодати, которую принес с собой на землю новорожденный младенец.

Сон

Снова в полную силу звучит тема божественной защиты, распространяющейся на всех и каждого: Ангел охраняет сон спящего. Муравей думает о своих детях, оставленных без защиты. Жук и Светлячок берут под свою опеку и защиту заблудившегося Муравья. В системе символов "Песен Невинности" все эти хранители являются образами одного Защитника - Бога.

Интересно, что в ранних редакциях "Песен" Блейк перенес это стихотворение в "Песни Опыта" - возможно, основанием для этого послужило то, что в нем воспевается божественность природы, реальной жизни, рисуется картина мира, не соотнесенного с Вечностью. Однако, по всей видимости, впоследствии Блейк счел идею божественной защиты более важной и вернул "Сон" в первый цикл.

О скорби ближнего

Заключительное стихотворение цикла вбирает в себя все темы и символы "Песен Невинности": человек идентифицируется с Богом, поскольку и тот и другой несут Добро, Терпимость, Мир, Любовь, и тот и другой являются хранителями: мы жалеем ближнего, поскольку Бог жалеет нас.

Заметим, что в этом стихотворении тема страданий и печали доминирует над темой радости, блаженства, любви. Блейк поставил "О скорби ближнего" в финале цикла, чтобы сделать более плавным переход к суровому, полному скорбей миру "Песен Опыта".

ПЕСНИ ОПЫТА

Вступление

В стихотворении, открывающем цикл, Блейк отождествляет себя с Древним Бардом, наделенным пророческим видением, который слышал и сохранил слово Истины, произнесенное в давние времена, еще до Грехопадения. Под Грехопадением понимается упадок Воображения и воцарение на его месте косного Разума - Уризена, олицетворенного "звездным сводом" и "берегом вод". Однако Бард пророчески предрекает приход нового дня - то есть апокалиптический крах царства Уризена. Следует отметить, что это стихотворение носит промежуточный, переходный характер (оно написано сразу после "Песен Невинности"): с одной стороны, Блейк говорит о "возвращении Земли", то есть о земном, реальном Апокалипсисе, с другой стороны, он предрекает приход "вечного дня" - Вечности "Песен Невинности", где исчезнут "звездный свод и берег вод" - тенета Разума, запреты, сковывающие дух человека (ср. бесконечное Небо и безбрежное Море как символы свободы).

Ответ Земли

"Ответ Земли" является непосредственным продолжением и развитием "Вступления", однако пророческий оптимизм первого стихотворения сменяется во втором холодным отчаянием; "звездный свод. л берег вод" видятся Блейку тюрьмой, из которой нет выхода, где ревностно сторожит свою жертву "самовлюбленный Творец" - Разум, "цепями сковавший любовь", то есть естественное проявление чувств. Вместо традиционных библейских символов "Песен Невинности" здесь появляются образы, связанные с реальным, земным миром, а Бог из благостного, кроткого Агнца превращается в "Вечного Мучителя" - деспота и тирана. На место "радости", "юности", "света", "свободы" встают "страх", "седина", "ночь", "цепи"; завершается стихотворение призывом к Освободителю - Поэту, который должен силой слова разбудить поруганное Воображение.

Ком Глины и Камень

Это стихотворение, построенное с соблюдением строжайшей симметрии, представляет собой диалог двух "состояний души человеческой": Ком Глины прославляет бескорыстную, пассивную, покорную любовь, свойственную Невинности, - идеалом для него является Рай, завоеванный самопожертвованием. Камень, олицетворяющий состояние Опыта, превозносит властную, эгоистичную, активную любовь, идущую из Ада (ср. восприятие Ада в "Бракосочетании..."). Симметрически организуя стихотворение (по шесть строк отдано каждому персонажу), Блейк не дает приоритета ни той, ни другой точке зрения, как бы утверждая, что оба начала равно важны для жизни, ибо в совокупности составляют естественный порядок вещей. Мягкий, податливый Ком Глины ассоциируется с женским началом, твердый Камень - с мужским: и та, и другая; любовь невозможны друг без друга, ибо каждая нуждается в противоположном: пассивное - в принуждении, активное - в подчинении. В этом коротком стихотворении заложена вся диалектика "Песен"; Невинность и Опыт, являясь противоположностями, не могут, - однако, существовать друг без друга, как Добро без Зла, Свет без Тьмы, Радость без Страдания и т.д.

Святой Четверг

Это одно из четырех стихотворений, являющихся прямыми параллелями ("сатирического" толка) к соответствующим стихотворениям "Песен Невинности". Оно, пожалуй, грешит некоторой прямолинейностью: пытаясь создать полную оппозицию своим более ранним взглядам, Блейк принес в жертву тонкие нюансы, составляющие прелесть его поэзии, и социальный пафос затмил в "Святом Четверге" все остальное. В этом стихотворении не хватает утонченной блейковской диалектики, "плач", "страдание", "холод" возведены в абсолюты, а потому оно несколько проигрывает на фоне остальных.

Заблудившаяся дочь

Обретенная дочь

Целый ряд причин делает два этих внешне прозрачных стихотворения весьма сложными для трактовки. Их сюжетная канва, на первый взгляд простая, допускает множество всевозможных толкований. Достаточно убедительной (и поддержанной многими исследователями) является следующая точка зрения: речь идет о смерти и воскресении, но не в Вечности, а в земном Раю, который станет возможен после того, как "Земля очнется". Маленькая Лика является символом безгрешной, чистой души; лес, в котором она блуждает, - символом земной жизни, а Лев, предстающий позднее в образе Золотого Духа, олицетворяет Ангела Смерти: прежде чем увести девочку к себе в пещеру, львица раздевает ее, то есть лишает плотской оболочки. Все это говорит о том, что, встретив Льва, Лика умерла, как несколько позднее и ее родители, и все они воссоединились в некоей Пещере, которая становится символом нового блейковского Рая, но уже не небесного, недостижимого, а реального, земного. В этом стихотворении очень четко видны новые взгляды Блейка, для которого нет более Неба, отдельного от Земли.

По замечанию Гирша, это стихотворение является пророчеством, предрекающим "не Вечность, но Грядущее", Рай, но не на небесах, а на земле.

Изначально оба эти стихотворения входили в "Песни Невинности", но впоследствии были перенесены в "Песни Опыта". Причина очевидна: хотя речь в них и идет о воскресении, трактуется оно в духе более позднего цикла.

Маленький трубочист

Это стихотворение - типичный пример полемики Блейка времен "Песен Невинности" с Блейком времен "Песен Опыта": герои двух стихотворений с одинаковым названием схожи между собой, но в первом маленький трубочист несчастен из-за своих невзгод, во втором - способен испытывать радость вопреки им. В первом он находит утешение в Боге, освобождающем его из "гроба" земной жизни, во втором - облачен в "саван" на земле и именно Богом (точнее, своими богобоязненными родителями) обречен на страдания.

Обличительный пафос равно силен в обоих стихотворениях, но в каждом он звучит по-своему: в первом - счастье возможно лишь на небесах, как искупление земных печалей, во втором - счастье было бы возможно и на земле, если бы не бесчеловечность существующих

порядков.

Песня няни

И здесь Блейк откровенно вступает в полемику с соответствующим стихотворением "Песен Невинности"; дети здесь - уже не младенцы, а подростки (что видно и из иллюстрации), и слова няни обретают совершенно иной смысл - глядя на детей, она с горечью вспоминает свою собственную юность, неудовлетворенную страсть, несостоявшуюся любовь. Чувствуя, что "закат" ее жизни близок, она испытывает зависть к детям, которым суждено познать плотскую любовь, приобрести недоступный ей опыт. Это стихотворение о подавлении естественных плотских желаний, которые Блейк в этот период считал величайшим человеческим даром, наряду с Воображением; но плотские инстинкты скованы цепями Уризена (см. также "Ангел"), поэтому вторая "Песня няни" резко контрастирует с первой, где речь идет о свободных проявлениях радости и любви к жизни.

Чахнувшая Роза

Символика этого стихотворения достаточно проста и традиционна: Роза олицетворяет Красоту, женское начало вообще; "Червь, реющий в бездне", широко распространенный образ Дьявола (по всей видимости, позаимствованный Блейком у Данте). Однако, чтобы полностью понять внутреннюю диалектику этого стихотворения, необходимо принять во внимание "про-сатанинские" идеи, которые Блейк исповедовал в то время и подробно изложил в "Бракосочетании Неба и Ада".

Мотылек

Проблема жизни и смерти освещается в "Песнях Опыта" совсем не так, как в "Песнях Невинности": "Песни Невинности" видели в смерти лишь переход в иное состояние, единение с Богом, тогда как "Песни Опыта", привязанные исключительно к земной жизни, усматривают в смерти бесповоротный конец, который равно трагичен и для человека, и для мотылька, и в этом все твари Божий равны. Бог даровал жизнь и мотыльку, и человеку, он же судил обоим умереть, и в этом жребий их одинаков; между ними есть лишь одно различие человеку дана Мысль, то есть Разум. Однако, по Блейку, Разум не возвышает человека над мотыльком, поскольку Разум лишь подавляет иные, куда более важные свойства, присущие всякому живому созданию; а посему человек и мотылек одинаково важны и ценны для Творца, ибо, как сказано в "Бракосочетании Неба и Ада", "Все Живое - Священно".

Ангел

Как и "Песня няни", это стихотворение - о несостоявшейся любви, и в нем явственно звучит полемика с "Песнями Невинности": вместо Ангела-хранителя здесь появляется совсем иной ангел, символизирующий неудовлетворенные желания. В царстве Уризена подавление естественного зова плоти считается добродетелью, и Дева, обороняясь слезами, а потом и "тысячью мечей" (то есть запретов), навеки лишает себя плотских радостей. Битва между ангелом - носителем естественного (божественного) миропорядка - и уризенской добродетелью завершается торжеством Уризена. Блейк отстаивает свое понимание любви: свободная, не скованная условностями страсть прекрасна, а подавление природных инстинктов - грех. Этим он бросает очередной вызов Сведенборгу, который неоднократно подчеркивал, что по-настоящему прекрасной и счастливой может быть лишь любовь, освященная законным браком, ибо лишь она является "соответствием" любви небесной.

Тигр

"Тигр" по праву считается величайшим творением Уильяма Блейка и одним из самых выдающихся произведений английской литературы. Как и "Агнец", парное стихотворение из "Песен Невинности", "Тигр" начинается с вопроса: кто твой Создатель? Однако если в более раннем стихотворении ответ очевиден и однозначен, то "Тигр" весь состоит из цепочки вопросов, остающихся без прямого ответа. В "Песнях Невинности" тигры, львы и прочие "дикие звери" представляют силу, враждебную Агнцу (т.е. Богу) и, следовательно, негативную. Теперь Блейк не только оспаривает это утверждение, но подспудно отвергает свое "однобокое" миропонимание времен "Песен Невинности": зловещая красота Тигра - столь же необходимая часть миропорядка, как и кротость Агнца, и одно невозможно без

другого. Кто создал Тигра, Бог или Дьявол, какой огонь, небес или преисподней, горит в его очах - вот основной вопрос стихотворения. Блейк не дает прямого ответа, но ходом своей мысли подталкивает читателя к этому ответу: Тигра создал не кто иной, как Дьявол, который, следовательно, является Творцом наравне с Богом. Однако Тигр, вышедший из дьявольской кузницы, внушает не только ужас, но и восхищение своей "ужасительной соразмерностью" (Fearful symmetry). Созданный Адом, Тигр не есть Зло в его обычном понимании, но заключенная в плоть яростная и прекрасная Энергия, которая, согласно концепции, изложенной в "Бракосочетании Неба и Ада", движет всяким развитием.

Мой милый Розовый Куст

Первое из трех "цветочных" стихотворений на тему любви, награвированных на одной пластине. Смысл этого маленького шедевра довольно прост: Цветок предлагает поэту свою любовь, но тот сохраняет верность Розе; однако, вернувшись к Розе и положив к ее ногам свою незапятнанную добродетель, поэт находит лишь жалобы и шипы ревности. Незамысловатая (и, скорее всего, автобиографическая) коллизия превращается под пером Блейка в изящную аллгорию, раскрывающую превратности земной любви.

Ах, подсолнух...

Еще одно из ранних стихотворений цикла, относящееся к 1789-1790 г. Здесь переплетены темы и символы "Песен Невинности" и "Песен Опыта": подсолнух, символизирующий вечную тягу к недостижимому, следует взглядом за солнцем в поисках некой блаженной страны - то есть Вечности "Песен Невинности". Там и только там смогут удовлетворить свои желания Дева, скованная путами уризеновской добродетели, и Юноша, источенный неудовлетворенной страстью к Деве (образы "Песен Опыта").

Лилия

Роза, символ стыдливости, и овечка, символ кротости, трансформируются в этом стихотворении в образы лжи и притворства: защищая уризеновскую добродетель, они извращают тем самым свою божественную сущность, В противоположность им Лилия, воплощающая "Опытную Невинность", открыто проявляет свою любовь, а потому чужда притворства. В том, что она "не вершит над собою насилия", но свободно следует своим побуждениям, и есть высшая, божественная добродетель.

Сад Любви

Превращение Луга "Песен Невинности" в твердыню уризеновских установлений, переход от Невинности к "сну Земли" - вот основная тема стихотворения. Вместо Луга глазам предстает Храм - символ ханжеской религии (ср. с представлениями о церкви как жилище Бога на земле в "Песнях Невинности"), вместо цветов, символов любви, появляются могилы, где схоронены неудовлетворенные желания, вместо свободы и радости - наслаждения, закованные в терновые оковы. Естественный порядок вещей (под которым, видимо, подразумевается "Опытная Невинность") нарушен искусственными установлениями ханжеской религии, которая является плодом закабаления чистой Веры Разумом.

Маленький бродяга

Тема ханжества официальной религии подхвачена и в этом стихотворении - Блейк не случайно вкладывает обвинительные слова в уста ребенка, подчеркивая их справедливость его чистосердечием: ребенок не негодует на Бога за жестокость церкви, но, веруя в его любовь и доброту, просит изменить существующий на земле порядок. Следует отметить, что в аналогичной ситуации в "Песнях Невинности" (см. "Маленький трубочист") речь шла об удовлетворении желаний только в Вечности; для маленького бродяги Рай возможен и на земле, что типично для "Песен Опыта", но прежде надлежит изменить земные порядки, придуманные не Богом, а людьми.

Лондон

Нетрудно усмотреть в этом стихотворении, помимо открытого протеста против существующих социальных установлений, и блейковскую трактовку их первопричины: таковой являются "духовные оковы", которыми в царстве Уризена скован каждый. Это стихотворение направлено не столько против индустриальной революции и жестокости,

бесчеловечности стремительно растущих городов (тема, не раз звучавшая в литературе блейковской эпохи), сколько против жизни, порожденной диктатом Разума над Воображением, "скованностью" мысли (отсюда "узкие" улицы и "скованное" течение Темзы). Основную вину Блейк возлагает на церковь, которая допускает страдания маленьких трубочистов (ср. выше), на королевскую власть, которая посылает тысячи солдат на бессмысленную смерть, и на институт брака (у Блейка - символ несвободной, противоестественной любви), который косвенным образом способствует возникновению проституции. В таком мире даже первая "невинная слеза" младенца отдает горечью, ибо и ему, находящемуся в состоянии Невинности, не избежать "духовных оков".

Человеческая сущность

Это стихотворение (парное к "Святому Образу" из первого цикла) центральное для понимания философской системы "Песен Опыта".

Здесь Добро, Терпимость, Мир, Любовь становятся составной частью противоестественных социальных установлений, существующих в царстве Уризена, - то есть полностью развенчивается философская концепция "Песен Невинности". Показав лживость и ханжество основных добродетелей Невинности, Блейк строит новую аллегория внутреннего мира человека, в основе которой лежит излюбленный им образ Древа. Взрастает оно из Страха и Смирения - ханжеского смирения овечки (ср. стихотворение "Лилия") и вскоре раскидывает мрачную крону Веры, то есть неестественной, надуманной религии, которая питает Гусеницу и Мотылька, являющихся здесь символами священнослужителей. Наконец, Древо приносит плод Обмана, то есть лжи и притворства (потому он сладок), и на Древе появляется Ворон - символ смерти. Такими видятся Блейку внутренний мир человека и духовный путь человечества, скованного путами Уризена. В последней строфе подчеркнуто, что "боги моря и земли", то есть живой природы, единой с Воображением, не могли отыскать это Древо, поскольку находится оно в человеческом мозгу и возвращает его Уризен - косный, нетворческий Разум.

Дитя-Горе

Это стихотворение не столько отрицает "Дитя-Радость", сколько поворачивает ту же тему иной стороной: дитя рождается на радость, но в то же время входит в мир в муках, а мир этот полон горестей и страданий. Дитя-Горе (заметим, что это мальчик, тогда как Дитя-Радость - девочка: Невинность ассоциируется у Блейка с женским началом. Опыт - с мужским) появляется на свет с громким воплем протеста, оно воистину одержимо бесом, но это - бес "Песен Опыта", негодующий против косности и пассивности. Вырываясь из рук отца и отказываясь сосать материнскую грудь (вспомним блейковскую символику: Отец - Бог, Мать - Церковь), младенец протестует против сковывающих пут родительской воли. Однако Дитя-Радость, символ кротости, и Дитя-Горе, символ бунтующей энергии, не отрицают друг друга, но составляют в своей диалектике необходимое многообразие мира.

Первоначально "Дитя-Горе" было частью длинного стихотворения из "Манускрипта Россетти", повествующего о жизненном пути человека и борьбе с "духовными оковами".

Древо Яда

Символика этого стихотворения, где также использован образ Древа, достаточно прозрачна: невысказанные, затаенные помыслы противоестественны и ведут к трагедии. Здесь уместно вспомнить одну из "Притч Ада": "Удави лучше дитя в колыбели, но не дави желаний своих". О том, что тайное зло хуже явного, красноречиво говорит и центральный символ стихотворения - прекрасный плод, содержащий смертельный яд; он же смыкает стихотворение с библейским мифом о Грехопадении. Сарказм Блейка всего отчетливее звучал в первоначальном названии стихотворения - "О христианской добродетели", которое было отвергнуто, видимо, по причине своей чрезмерной язвительности.

Заблудший сын

Ребенок утверждает, что любовь к себе превыше всего, а далее - все создания равны, ибо все они суть творения Божий. (Так Блейк в этот период представляет себе естественный, природный взгляд на вещи и поэтому резко полемизирует со Сведенборгом, который

неоднократно подчеркивал: нет худшего греха, чем любовь к себе, право на существование имеют лишь два вида любви любовь к ближнему и любовь к Богу.) За это он объявлен Дьяволом (и, по сути, является таковым, ибо протестует против идущего от церкви притворства) и сожжен на костре у алтаря Уризена, как отступник, дерзнувший восстать против господствующей религии. Горечь стихотворения заключается в том, что ребенок, находящийся в состоянии Невинности, чуждый всякой лжи и неестественности, то есть носящий в себе Бога, приговаривается к смерти именем этого самого Бога, который становится лишь орудием в руках церкви.

Заблудшая дочь

Аллегория, направленная против неестественных законов, подавляющих и осуждающих естественные желания, подана здесь в форме мифа о Грехопадении, который Блейк переносит в некую "древнюю страну" и адресует "детям будущего": по сути, и первое, и второе - не что иное, как земная реальность, только в первом случае скованная цепями Уризена (воплощенного в фигуре Отца), а во втором - сбросившая его оковы.

Это одно из самых поздних стихотворений цикла, вошедшее только во второе авторское издание "Песен".

К Фирце

Это стихотворение было написано почти через десять лет после "Песен Опыта" (его датируют 1802-1805 гг.) и опирается на принципиально иную философскую систему. Фирца (ист. - столица Северного Царства; ср. Песнь Песней, 6: 4: "Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим") является у Блейка символом плоти, физической сущности человека, в противоположность Иерусалиму, символу сущности духовной. Вместо прославления земных, плотских радостей, характерного для "Песен Опыта", Блейк с негодованием отвергает закрепостившую душу плотскую оболочку, "склеп", в котором томится человеческий дух. Здесь использована перефразированная библейская цитата (Иоанн, 2: 4: "Что Мне и Тебе, Жено?") обращение Христа к матери. Вторая строфа является сжатым изложением мифа о Грехопадении, однако теперь Блейк возвращается к канонической его трактовке: чувственная любовь закрепостила чистую духовность, которая была уделом человека до падения. Нынче человечество пребывает в состоянии духовной слепоты и глухоты, но Христос, искупив первородный грех, вернул человека от плотского, низменного на путь к высотам духа, которые, по новой Блейковской концепции, превыше всех чувственных наслаждений.

Таким образом, по замечанию Гирша, стихотворение "К Фирце" является по отношению к "Песням Опыта" тем же, чем сами "Песни Опыта" являются по отношению к "Песням Невинности" - развенчанием прежней философской концепции и декларацией новой, более широкой. Это стихотворение стоит в цикле несколько особняком, ибо дает представление о мировоззрении Блейка на следующем этапе его духовного пути.

Ученик

Первоначально стихотворение входило в "Песни Невинности"). Видимо, дух протеста, которым оно пронизано, заставил Блейка позднее перенести его в "Песни Опыта", хотя его пасторальные образы скорее типичны для более раннего цикла. С другой стороны, противопоставление естественной жизни, воплощенной в природе, и сухого, догматического, книжного знания более свойственно блейковским взглядам периода "Песен Опыта". Однако по светлому, радостному образному строю стихотворение ближе к "Песням Невинности", а его следует рассматривать как "промежуточное" между двумя циклами.

Глас Древнего Барда

Это стихотворение также первоначально входило в "Песни Невинности", но принадлежит в равной мере обоим циклам и служит завершением всей книги: оно примиряет оба "состояния души человеческой", ибо заключенное в нем пророчество равно приложимо и к Вечности, и к Раю на земле - и к Невинности, и к Опыту и выражает главную, сквозную мысль обоих циклов: торжество свободного, раскрепощенного духа, избавленного от притворства и вековых заблуждений, как и торжество Воображения над Разумом, возможно

и неизбежно.

* The Book of Thel *

Уильям БЛЕЙК

перевод С. Степанова

Книга Тэль

ДЕВИЗ ТЭЛЬ

О том, что в яме, расскажет Орел Или Крот ответит слепой? И Мудрость в серебряном
есть ли жезле, А Любовь - в чаше золотой?

Тэль

I

Свои стада по кругу гнали дочери Серафима. Все, кроме младшей, - та, бледная, потише
уголок Искала, чтоб бесследно растаять, словно прелесть утра. Вниз по Адоне ее стенанья
тихие несутся И, выпадая утренней росой, нисходят долу.

.
И Лилия Долины, благоухающая в разнотравье, Ответила прекрасной деве: . Что ж Тэль
печалит? О чем вздыхает возлюбленная Тэль в долинах Гара?>

Сказала так она и улыбнулась ей сквозь слезы.

Тэль отвечала:

Спустилось Облачко, а Лилия головку наклонила, Вернувшись к своим делам
бессчетным и заботам.

II

. Главу золотую Облачко открыло и заблестало, Спустившись с поднебесья прямо к
Тэль.

.
И Облачко на невесомом троне откинулось и так
сказало:

И Червь бессильный выполз и лег на листик Лилии, А Облачко уплыло искать свою
наперсницу в долине.

III

В изумленье смотрела Тэль на бледное создание.

.
И тут малютку услышала Глина, над ним склонилась И млечным питием младенца
напоила. Затем на Тэль взглянула, потупив очи.

Но за что? Не знаю я, и знать мне не дано Понять пытаюсь, но тщетно; живу я и
люблю>.

Краем одежды Дочь Красоты утерла слезы И так сказала: .

IV

Решетку вечных врат приподнял Привратник

страшный, И Тэль вошла и увидела неведомую землю. Ей ложа мертвецов открылись,
открылись корни Сердец живущих, тревожащие шевеленьем глубь Юдоль скорбей и слез, не
знавшая вовек улыбки,

Брела она в юдоли туч и тьмы, внимая Стенаниям, и подле свежевырытых могил
Прислушивалась к голосам земли в молчаньи, Покуда к собственной могиле не пришла.
Присела там, И скорбный стон из пустоты провала к ней донесся:

И Дева содрогнулась, и с воплями бежала мест сих, Пока не возвратилась без препон в
долины Гара.

КОНЕЦ

THE BOOK of THEL (1789)

THEL'S Motto,

Does the Eagle know what is in the pit?

Or wilt thou go ask the Mole:

Can Wisdom be put in a silver rod?

Or Love in a golden bowl?

THEL

I

The daughters of Mne Seraphim led round their sunny flocks. All but the youngest; she in paleness sought the secret air. To fade away like morning beauty from her mortal day: Down by the river of Adona her soft voice is heard: And thus her gentle lamentation falls like morning dew.

O life of this our spring! why fades the lotus of the water? Why fade these children of the spring? born but to smile fall. Ah! Thel is like a watry bow. and like a parting cloud. Like a reflection in a glass. like shadows in the water. Like dreams of infants. like a smile upon an infants face, Like the doves voice, like transient day, like music in the air; Ah! gentle may I lay me down, and gentle rest my head. And gentle sleep the sleep of death. and gentle hear the voice Of him that walketh in the garden in the evening time.

The Lilly of the valley breathing in the humble grass Answer'd the lovely maid and said; I am a watry weed, And I am very small, and love to dwell in lowly vales; So weak, the gilded butterfly scarce perches on my head. Yet I am visited from heaven and he that smiles on all. Walks in the valley. and each morn over me spreads his hand

Saying, rejoice thou humble grass, thou new-born lilly flower, Thou gentle maid of silent valleys. and of modest brooks; For thou shalt be clothed in light, and fed with morning manna: Till summers heat melts thee beside the fountains and the springs To flourish in eternal vales: then why should Thel complain,

Why should the mistress of the vales of Har, utter a sigh.

She ceasd smild in tears, then sat down in her silver shrine.

Thel answerd. O thou little virgin of the peaceful valley.

Giving to those that cannot crave, the voiceless, the o'ertired. t6 Thy breath doth nourish the innocent lamb, he smells thy milky garments,

He crops thy flowers. while thou sittest smiling in his face, Wiping his mild and meekin mouth from all contagious taints. Thy wine doth purify the golden honey, thy perfume, Which thou dost scatter on every little blade of grass

Revives the milked cow, tames the fire-breathing steed. But Thel is like a faint cloud kindled at the rising sun: I vanish from my pearly throne, and who shall find my

Queen of the vales the Lilly answerd, ask the tender cloud,

And it shall tell thee why it glitters in the morning sky, And why it scatters its bright beauty thro' the humid air. Descend O little cloud hover before the eyes of Thel.

The Cloud descended, and the Lilly bowd her modest head: And went to mind her numerous charge among the verdant grass.

&&&& II.

O little Cloud the virgin said, I charge thee tell to me, Why thou complainest not when in one hour thou fade away: Then we shall seek thee but not find; ah Thel is like to thee. I pass away. yet I complain, and no one hears my voice.

The Cloud then shew'd his golden head his bright form emerg'd, Hovering and glittering on the air before the face of Thel.

O virgin know'st thou not. our steeds drink of the golden springs Where Luvah doth renew his horses: look'st thou on my youth,

And fearest thou because I vanish and am seen no more. Nothing remains; O maid I tell thee, when I pass away, It is to tenfold life, to love, to peace, and raptures holy: Unseen descending, weigh my light wings upon balmy flowers;

And court the fair eyed dew. to take me to her shining tent; The weeping virgin, trembling kneels before the risen sun, Till we arise link'd in a golden band, and never part; But walk united, bearing food to all our tender flowers

Dost thou O little Cloud? I fear that I am not like thee; For I walk through the vales of Har. and smell the sweetest flowers; But I feed not the little flowers: I hear the warbling birds, But I

feed not the warbling birds. they fly and seek their food; But Thel delights in these no more because I fade away, And all shall say, without a use this shining woman liv'd, Or did she only live. to be at death the food of worms.

The Cloud reclind upon his airy throne and answer'd thus.

Then if thou art the food of worms. O virgin of the skies, How great thy use. how great thy blessing; every thing that lives, Lives not alone, nor for itself: fear not and I will call The weak worm from its lowly bed, and thou shalt hear its voice. Come forth worm of the silent valley, to thy pensive queen.

The helpless worm arose, and sat upon the Lillys leaf, And the bright Cloud saild on, to find his partner in the vale.

& III.

Then Thel astonish'd view'd the Worm upon its dewy bed.

Art thou a Worm? image of weakness. art thou but a Worm? I see thee like an infant wrapped in the Lillys leaf: Ah weep not little voice, thou can'st not speak. but thou can'st weep; Is this a Worm? I see thee lay helpless naked: weeping, And none to answer, none to cherish thee with mothers smiles.

The Clod of Clay heard the Worms voice, raisd her pitying head; She bowd over the weeping infant, and her life exhal'd In milky fondness, then on Thel she fix'd her humble eyes.

O beauty of the vales of Har. we live not for ourselves, Thou seest me the meanest thing, and so I am indeed; My bosom of itself is cold. and of itself is dark,

But he that loves the lowly, pours his oil upon my head. And kisses me, and binds his nuptial bands around my breast.

And says; Thou mother of my children, I have loved thee. And I have given thee a crown that none can take away But how this is sweet maid, I know not, and I cannot know,

I ponder, and I cannot ponder; yet I live and love.

The daughter of beauty wip'd her pitying tears with her white veil, And said. Alas! I knew not this, and therefore did I weep:

That God would love a Worm I knew, and punish the evil foot That wilful, bruis'd its helpless form: but that he cherish'd it With milk and oil, I never knew; and therefore did I weep, And I complaind in the mild air, because I fade away, And lay me down in thy cold bed, and leave my shining lot. Queen of the vales, the matron Clay answerd; I heard thy sighs. And all thy moans flew o'er my roof. but I have call'd them down: Wilt thou O Queen enter my house. 'tis given thee to enter,

And to return; fear nothing. enter with thy virgin feet.

&& IV.

The eternal gates terrific porter lifted the northern bar:

Thel enter'd in saw the secrets of the land unknown; She saw the couches of the dead, where the fibrous roots

Of every heart on earth infixes deep its restless twists: A land of sorrows of tears where never smile was seen.

She wanderd in the land of clouds thro' valleys dark, listning Dolours lamentations: waiting oft beside a dewy grave She stood in silence. listning to the voices of the ground, Till to her own grave plot she came, there she sat down.

And heard this voice of sorrow breathed from the hollow pit.

Why cannot the Ear be closed to its own destruction? Or the glistning Eye to the poison of a smile! Why are Eyelids stord with arrows ready drawn, Where a thousand fighting men in ambush lie? Or an Eye of gifts graces, show'ring fruits coined gold! Why a Tongue impress'd with honey from every wind? Why an Ear, a whirlpool fierce to draw creations in? Why a Nostril wide inhaling terror trembling affright. Why a tender curb upon the youthful burning boy! t7 Why a little curtain of flesh on the bed of our desire?

The Virgin started from her seat, with a shriek. Fled back unhinderd till she came into the vales of Har

The End

&&&&&&&& * КОММЕНТАРИИ *

КНИГА ТЭЛЬ

"Книга Тэль" - вторая из "пророческих поэм" Блейка (ей предшествовал только "Тириэль"). "Книга Тэль" была завершена и награвирована в 1789 году и относится к периоду, "промежуточному" между "Песнями Невинности" и "Песнями Опыта". Тэль - один из первых "эмблематических персонажей" Блейка, символизирующий чистую душу, "Неопытную Невинность", которая, с одной стороны, тяготится своей неопытностью, а с другой - не в силах воспринять Опыт и в ужасе бежит от него.

Девиз Тэль - две пары образов этого четверостишия задают две основные темы повествования: Орел символизирует небесное (Невинность), Крот - земное (Опыт); жезл и чаша обозначают мужское и женское начала и одновременно чувственную любовь.

Адена - видимо, имеется в виду река Адонис, упомянутая в "Потерянном Рае" Мильтона. Полины Гара. - блейковский пасторальный мир, царство Невинности, являющееся "соответствием" миру небесному. Его отличие от мира "Песен Невинности" заключается в том, что здесь царствует непонятная для Тэль чувственная любовь (о которой говорят Облачко и Глина), и в целом этот мир, где каждому отведена своя, естественная роль, где все обречено на конечное умирание, по-своему близок к "натуралистическому" миру "Песен Опыта", Гар и Хева - "эмблематические персонажи", обозначающие прародителей рода человеческого; появляются еще в "Тириэле".

Лилия и Глина, (ср. образы в "Песнях Опыта") - обозначают "Опытную Невинность", более близкую Блейку в этот период, чем невинность Тэль. Чисто "земная" сущность этих персонажей лишней раз подчеркивает движение Блейка к "натуралистическому" мировоззрению.

Лува - в блейковской мифологии - второй Зоа, символизирующий чувственное и эмоциональное в человеке.

Зачем не в силах... - речь здесь идет о пяти чувствах, в одном ряду с которыми поставлена плотская любовь; Блейк подчеркивает, что только раскрепощение чувств и любви может привести к истинной, дополненной Опытом духовности, более глубокой, чем та, которая существует в идиллических долинах Гара.

* The Marriage of Heaven Hell * &

Бракосочетание Неба и Ада

перевод С. Степанова

ПРЕДВАРЕНИЕ

Ринтра рычит, мечет молнии в небе нависшем; Алчные тучи клокочат в пучине.

Некогда кроткий, опасным путем Шел праведник Долиною смерти. Розы посажены в терние, Пчелы поют На опустошенной земле.

Вот путь опасный и ожил; Бьют ключи Из-под камней и надгробий, Белые кости Обросли алою перстью.

Злодей оставил покоя пути, Чтоб опасными шествовать, Вверг праведника в опустошенные земли.

Ныне аспид коварный Пребывает в смиренности, Праведник же вопиет по пустыням, Где обиталище львов.

Ринтра рычит, мечет молнии в небе нависшем; Алчные тучи клокочат в пучин>.

И как явлено новое небо, тому уже тридцать три года, восстал Вечный Ад. Вот и Сведенборг сидит, аки Ангел у гроба, в свитках своих сочинений, аки в холстине. Днесь господство Едома и восстановление Адама в Едеме. Смотри Книгу пророка Исаии, гл. XXXIV, XXXV.

В отсутствие Противоположностей никакого движения нет. Притяжение и Отталкивание, Рассудок и Энергия, Любовь и Ненависть насущны бытию Человека.

Все то, что именуют чтущие религию Добром и Злом, из сих проистекает. Добро безвольно - им помыкает Рассудок. Зло же алчно и проистекает из Энергии.

Добро - Небо. Зло - Ад.

ГЛАС ДИАВОЛА

Все Библии, т. е. своды священных писаний, суть первопричина следующих заблуждений:

1. Что Человеку присущи два начала, а именно: тело и Душа.

2. Что Энергия, именуемая Злом, единственно от Тела; Рассудок же, именуемый Добром, единственно из Души.

3. Что Господь обречет Человека на Вечные Муки, ибо сей уступает своим Энергиям.

В то время как Истина как раз в Противоположном:

1. Нет Человеку Тела отдельно от Души его; ибо именуемое Телом есть частица Души, отличенная пятью Чувствами, вратами Души в веке сем.

2. Энергия и есть единственно жизнь, и есть от Тела; Рассудок же есть Энергии вервь и приводящее.

3. Энергия есть Вечное Блаженство.

Кто угнетает Желанье справляется только со слабым; Угнетатель же, т. е. Рассудок, берет власть и правит безвольным.

А подавленное, мало-помалу чахнет оно, покуда не станет тенью Желанья.

Сие повествует, где Владыка, т.е. Рассудок, наименован Мессией.

А первородный Архангел, архистратиг Небесного воинства, наименован Дьяволом, т. е. Сатаной; дети же его - Грехом и Смертью.

Однако же в Книге Иова мильтонов Мессия наименован Сатаной. Вот почему Книга Иова была принята обеими партиями.

В самом деле. Рассудок видит: как будто бы Желанье и посрамлено; Дьявол же толкует, что пал Мессия, Небо же сотворил он из того, что украл из Преисподней.

Так сказано в Евангелие, где Мессия молит Отца послать Утешителя, т. е. Желанье, дабы мог Рассудок опереться на Воображение; библейский же Иегова не кто иной, как Мессия, пребывающий в Геенне Огненной.

Так что после смерти Христа Мессия стал Иеговой. А по Мильтону Отец есть Неизбежность, Сын - Рацио пяти чувств. Дух же Святой - Вакуум!

ДОБАВЛЕНИЕ: Причина, по которой Мильтон писал весьма сдержанно о Боге и об Ангелах и весьма свободно об Аде и о Дьяволе, заключается в том, что был он истинным Поэтом и, сам того не ведая, принадлежал партии Дьявола.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ВИДЕНИЕ

Прогуливаясь меж языков Адского пламени и вкушая наслаждения Гения, кои Ангелы почитают за смертную муку и безумье, собирал я Адские Притчи; полагая, что сколь речения народа отражают его нрав, столь же Притчи Ада указуют сущность Дьявольской премудрости, и куда лучше, нежели описание костюмов и служб.

Пришедши в себя, т. е. в пучину пяти чувств, где хмурый утес нависает над миром сим, увидел я окутанного черными тучами могущественного Дьявола парящим у отвесной стены; жгучими молниями он вытравливал надпись, днес постигнутую и прочитанную человеками на земле:

ПРИТЧИ АДА

К пору сева внимай, в жатву наставляй, зимою

блаженствуй. Телегу и плуг веди по костям мертвых. Тропа излишества ведет в чертоги мудрости. Благоразумие - дебелая вздорная старая дева,

попятая Бессилием. Возжелав и не сделав, разводишь чуму. Червь рассеченный плуг не клянет. Топи в реке взалкавшего воды. Глупец следит иное древо, нежели мудрец. Чей лик не точит света, тому звездой не стать. Плоды брэнного возлюблены Вечностью. Рабочей пчеле горевать недосуг. Век глупости отмеряют часы, века же мудрости

никакими часами не измерить. Здоровую пищу берут без тенет и капкана. В голодный год плюнь на меру, число и вес. Пет такой птицы, чтоб своим крылом излишне

воспарила. Мертвый не мстит. Верх величия - признать другого выше. Стой на своем

безумии глупец - и стал бы мудрецом. Плащ плутней - простота. Смиренье - плащ гордыни. Тюрьмы стоят на скрижалях Закона, блудилища на догматах Веры. Самовлюбленность павлина - слава Господа. Похоть козла - щедрость Господа. Ярость льва - мудрость Господа. Нагота жены - творенье Господа. Излишек горя смеется. Излишек радости плачет. Львиный рык, волчий вой, ярость волн и разящий меч суть толика вечности, кою не емлет зрак человек

целиком. Лиса клянет капкан, а не себя. Радости плодотворяют. Горести рождают. Мужу львиная шкура, жене овечье руно. Птице гнездо, пауку тенета, человеку дружба. Предвзятый улыбочивый глупец и мрачный нахмуренный глупец покажутся равно мудры, предстань они бичом

Господним. Днесь очевидное вчера только мнилось. Крыса, мышь, лиса и кролик ждут корневища; лев,

тигр, конь и слон дожидают плодов. Водоем приемлет, источник извергает. Одна мысль заполняет бесконечность. Всегда будь искренен - подлец обойдет стороной. Все, во что можно поверить - образ истины. Лишь попусту орел потратит время, пошли его учиться

у вороны. Лиса приготовляет корм сама, льву же - Господь. Думай с утра. Верши днем. Ешь ввечеру. Спи в ночь. Кто позволяет себя надувать, надувает тебя. Сколь плуг следует слову, столь Господь внемлет

молитве. Тигры гнева мудрее мулов наставления. Жди отравы в стоячей воде. Не зная избытка - и меры не знать. Глупец тебе пеняет - слушай! Се королевская честь! Очеса огня, ноздри воздуха, уста воды, борода земли. Слабый мужеством на хитрости горазд. Не ищет яблонь бука, как цвести, ни лев коня, как

брать добычу. Благодарный воздаст сторицей. Избегни глупости другие - мы сами впали бы в нее. Души чистейших наслаждений ничем не замарать. Следя полет орла, емлешь толику Гения; подыми лице

твое! Как гусеница для яичек ищет лист получше, так и священник для проклятий ищет лучших из услад. Дабы сотворить и малый цветок потребен труд веков. Проклятие укрепляет. Благословение расслабляет. Вино ценится выдержкой, вода - свежестью. Молитвы не пашут! Гимны не жнут! Радости не смеются! Горести не плачут! Голова - Величие, сердце - Сострадание, чресла

Красота, руки и ноги - Гармония. Что воздух птице, волны рыбе - то и презрение презренным. Черный мир вороне люб - сове же белый люб. Страсть прекрасна! И лев бы стал лукав, послушай он лису. Ученье уравнивает пути; Гений же идет кривыми путями, как они есть. Удави лучше дитя в колыбели, но не дави желаний своих. Где человека нет. Природа бесплодна. Не внемлют истине, покуда не поверят. значит .

Древние поэты одухотворяли ощущаемый мир, вселяя в него Богов, т. е. Гениев, давали им имена, приписывали им качества лесов, рек, гор, озер, городов, народов и всего того, что могли они различить во множестве утонченных своих ощущений.

И особо старались они, чтобы каждый город, каждая деревня имели своего Гения, предоставляя им покровительство собственного Духовного Божества.

Так сложилась Система, из которой некоторые извлекли выгоду: они поработили чернь, придав самосущность Духовным Божествам, отъяв сии от их объективной основы - отсюда, почерпнув священные таинства из поэтических сказаний, пошло Священство.

В конце же концов, они возвестили, что так заповедали Боги.

Вот как люди забыли, что все Божества гнездятся в груди человеческой.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ВИДЕНИЕ

Пророки Исаия и Иезекииль трапезовали со мной; и спросил я их, как могли они так безоговорочно утверждать, что именно Бог говорил им; и не посещали ли их сомнения, что неправильно понятые послужат они причиной обмана.

Исаия ответил: .

Тогда я спросил:

Он ответил: .

Тут вмешался Иезекииль:

Слушал я и дивился, ибо признал в этом свои собственные убеждения. После трапезы просил я Исаию облагодетельствовать мир утраченными своими писаньями; он сказал, что ничто важное не утрачено. И то же самое сказал Иезекииль о своих.

И спросил я Исаию, что побудило его три года ходить нагим и босым. Он ответил: .

И спросил я Иезекииля, отчего он ел навоз и лежал столь долго на правом и на левом боку. Он ответил: .

Как слышал я в Аду, древнее пророчество, что по прошествии шести тысяч лет мир сей пожрется огнем, истинно.

Ибо Ангелу с мечом огненным уже ведено оставить стражу у древа жизни; и как свершится сие, пожрется все творение и явится бесконечным и священным, как ныне развращено оно и конечно.

Придет же сие чрез очищение чувственных наслаждений.

Но сперва нужно избавиться от самой мысли, что есть человеку тело отдельно от души его; и сие сделаю я сам, печатая сатанинским способом с помощью кислот, кои в Аду целебны и благотворны, растворяя внешние покровы, обнажая потаенное бесконечное.

Если б расчищены были врата восприятия, всякое предстало бы человеку, как оно есть - бесконечным.

Ибо человек замуровал себя так, что видит все чрез узкие щели пещеры своей.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ВИДЕНИЕ

Был я в Адской Печатне и видел способ, коим знания передаются из поколения в поколение.

В первой пещере Человек-Дракон удалял пустую породу от входа; внутри же несколько Драконов долбили стены.

Во второй пещере был Змей, обвившийся вкруг скалы, и прочие змеи украшали ее золотом и серебром, и дорогими камнями.

В третьей пещере был Орел с крыльями и перьями воздуха; внутренность пещеры заставлял он быть бесконечною. Вокруг же Люди-Орлы высекали чертоги в огромных утесах.

В четвертой пещере Львы Геенны Огненной метались кругом и плавили металлы в текущие жидкости.

В пятой пещере Безымянные твари отливали металлические листы.

Затем листы попадали к Людям, занимавшим шестую пещеру, и превращались в книги, и расходились по библиотекам.

Гиганты, основавшие мир сей в его чувственном бытии и якобы ныне пребывающие в оковах, суть истинные причины жизни мира сего и суть источники всякого деянья; оковы же суть уловки слабых и покорных, коим достало силы противиться энергии. Согласно притче - слабый мужеством на хитрости горазд.

Так одна сторона бытия есть Животворенье, другая же Пожранье. Пожирателю представляется, что творец якобы пребывал в оковах своих; но это не так - сей лишь принимает толику бытия за целое.

Ведь Животворенье не было б таковым без Пожирателя, который, как море, поглощает избыток наслаждений.

Скажут: Отвечу: .

Эти две категории людей всегда присутствуют в мире сем, и всегда им должно враждовать: кто же пытается примирить их, ищет гибели сущего.

Религия и есть такая попытка.

ДОБАВЛЕНИЕ: Иисус Христос не желал объединить их, но разделить, как в притче об агнцах и козлищах! Он говорит: .

Мессия, сиречь Сатана, или Искуситель, от веку почитался одною из первооснов, кои суть наши Энергии.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ВИДЕНИЕ

Приступил ко мне Ангел и возопил: .

Я сказал: .

И повел он меня в хлев, оттуда в церковь, потом сошли мы в склеп и там добрались до мельницы. Пройдя же через мельницу, оказались мы в пещере. Вниз по извилистому подземелью нащупывали мы наш каменистый путь, пока не открылась под нами пустота, бескрайняя, как дальнее небо; уцепились мы за корни деревьев и повисли над бездной. И сказал я: . А он ответил: .

И остался я с ним, повиснув на корявом корне дуба. А он уцепился за поганку, которая росла шляпкою в бездну.

Мало-помалу рассмотрели мы бесконечную Преисподнюю, клокочущую, как дым над пылающим городом; бесконечно далеко под нами было солнце, черное, но сияющее; вокруг него были натянуты пылающие канаты, по которым ползали огромные пауки в поисках добычи, которая летала или, скорее, плавала в бездне, в виде самых ужасных тварей, исчадий разврата; и воздух кишел ими, и, казалось, целиком состоит из них - то были Дьяволы, именуемые Силами Небесными.

Тут я спросил спутника моего - каков же мой вечный жребий? Он ответил: .

И тут в туче меж черным и белым пауком ударила молния и прогреготала бездною, заволакивая мраком все под нами; и дно пучины почернело, как море, и со страшным грохотом свернулось.

Ничего внизу не было видно - лишь черный смерч, пока не увидели мы меж туч, клубящихся на Востоке, поток крови вперемешку с огнем; и в нескольких бросках камня от нас показалось и погрузилось снова чешуйчатое кольцо чудовищного змея. Наконец на расстоянии трех колен его к востоку показался над волнами огненный гребень. Медленно поднимался он, словно гряда скал, пока не увидели мы два кровавоогненных ока, от которых расходились волны в клубах дыма; и стало ясно нам, что сие голова Левиафана. Лоб его был иссечен зелеными и пурпурными полосами, как лоб тигра. Вскоре мы увидели пасть его и красные жабры, показавшиеся прямо из клокочущей пены, изливавшие потоки крови в черную бездну и устремившиеся к нам со всей яростью Духовного Бытия.

Мой спутник Ангел поспешно вскарабкался обратно на мельницу; я остался один, и видение больше не возобновлялось; но оказался я сидящим на тихом берегу реки в лунном свете, внимающим арфисту, певшему под аккомпанемент арфы вот что: .

По поднялся я и разыскал мельницу; там обнаружил я моего Ангела, который с удивлением осведомился как это я уцелел.

Я ответил: Ангел только посмеялся моему предложению; тогда силою обхватил я его и полетел на запад сквозь тьму, пока не поднялись мы выше земной тени, затем я бросился вместе с ним прямо в кипящее солнце. Здесь облачился я в белое и, вложив в длань свою тома Сведенборга, покинул сияющую страну, и миновал все планеты, вплоть до Сатурна. Здесь передохнул я, а потом устремился в пустоту меж Сатурном и неподвижными звездами.

Я сказал: . Вскоре мы увидели хлев и церковь, подвел я его к алтарю, раскрыл Библию, и - о чудо! - открылось глубокое подземелье, в которое сошел я, толкая Ангела впереди себя. Вскоре мы увидели семь кирпичных домов. В один из них мы вошли; там было множество мартышек, павианов и прочих обезьян, сидевших на цепи; они скалились и рвались друг к другу, но короткие цепи не пускали их. Несмотря на это, я заметил, что временами их становилось больше - тогда сильные хватали слабых и с оскаленными рожамы сначала совокуплялись с ними, а затем пожирали их, отрывая сначала одну конечность, потом другую, пока тело не становилось беспомощным обрубком. Скалясь и целуя его с притворной нежностью, они пожирали и это; и кругом видел я обгладывающих с жадностью свои собственные хвосты. Так как стояло зловоние, невыносимое нам обоим, вернулись мы на мельницу; я же прихватил с собою скелет, оказавшийся, как выяснилось, аристотелевой .

Ангел сказал: .

Я ответил: .

РАЗДОР - ВОТ ИСТИННАЯ ДРУЖБА.

Сплошь и рядом вижу я, что Ангелы из тщеславия говорят о себе как о Единственно Мудрых. Делают они это с самонадеянной наглостью, проистекающей от систематических мудрствований.

Так и Сведенборг похваляется, что его сочинения суть откровение; в то время как они суть пережевывание давно известных книг.

Некий человек водил напоказ обезьяну - и будучи немногим умнее ее, возомнил о себе и почел себя семи пядей во лбу. Точно так и Сведенборг: он бичует пороки в церквях, выставляет напоказ лицемеров - да только мнит он о себе, что все суть религию чтущие, а он - единственный на земле, вырвавшийся из тенет.

Во-первых, Сведенборг не написал ничего нового. А во-вторых, он повторил всю старую ложь.

И вот почему: Сведенборг беседовал с Ангелами, которые все сплошь религию чтут, но не беседовал с Дiableлами, которые все как один религию ненавидят, ибо оказался он бессильным в силу своего самомнения.

Так что сведенборговы сочинения суть свод всяческих поверхностных суждений, дополненный анализом наиболее выдающихся - и не более того.

И вот еще что: любой борзописец может состряпать из сочинений Парацельса или Якоба Беме десять тысяч томов равной ценности со сведенборговыми, а из сочинений Данте или Шекспира - бесчисленное множество.

Но, совершив сие, да не похваляется он, что знает больше учителей своих, ибо жжет он свечи на солнце.

ДОСТОПАМЯТНОЕ ВИДЕНИЕ

Однажды увидел я объятого пламенем Дiableла, который предстоял Ангелу, восседавшему на облаке; и говорил Дiableл: .

Внимавший сему Ангел сначала посинел, затем, совладав с собою, пожелтел, наконец побелел, порозовел - и с улыбкою ответил:

Дiableл ответил: .

Пока он так говорил, я увидел, как Ангел, расправив крыла, обнял пламя и был пожран, и вознесся, как Илия.

ДОБАВЛЕНИЕ: Сей Ангел, ставший ныне Дiableлом, мой закадычный друг. И часто вместе мы толкуем Библию в ее inferнальном, сиречь дiableльском, смысле, который откроется людям, если заслужат они того.

Есть у меня и Библия Ада, которую получают люди, хотят они того или нет.

Волу и льву закон един - Насилье.

ПЕСНЬ СВОБОДЫ

1. Возопила Жена Вечная! Слышно по всей Земле.
2. Болен брег Альбиона, безмолвен; луга Америки вянут!
3. В озерах и реках встают тени пророчеств - грохочут за океан: темницу, Франция, рушь!
4. Златая Испания, смети препоны ветхого Рима!
5. Брось ключи свои, Рим, прямо в бездну, в бездну на самое дно!
6. И восплачь!
7. Новоявленный ужас, рычащий, в длани грозящей ея.
8. Над горами бескрайними света, там за Атлантикой, новоявленный огонь предстал Князю Звезд!
9. Снежнобров, грозен ликом, распростер над пучиной свои вездесущие крылья.
10. Вспыхнула в небе десница с копьём, щит отставлен; между огненных игл явилась длань мести, новоявленное чудо извергла в звездную тьму.
11. Молнии, молнии мечет!
12. В небо, в небо гляди! О лондонский житель, крепись! Брось, Иудей, свое злато! Воротись к вину и елею! О Африканец! О черный! (Сойди, крылатая мысль, чело его

укрепи.)

13. Молнии-длани, иглы огня, как севшее солнце в западное море.

14. Восстав от вечного сна, излилась первостихия. 15, Повержен ревнивый король, крыльями бил он

вотще; его седобровые старцы, громобои-воители, наморщенные соратники смешались среди шлемов, щитов, колесниц и коней, слонов и знамен, укреплений, пращей и камней.

16. Повержены, гибнут, бегут! Погребены под руинами, тонут в пещерах Уртоны;

17. Вся тьма под руинами; их зловещее пламя угасло, стоят вокруг поблекшего короля.

18. В огне и грохоте, выводя свое звездное воинство опустошенной землей, отдает свои десять приказов, сверкая очами над бездной в страхе кромешном.

19. Где с востока сын пламени в облаке светлом, пока утро чистит перья золотые свои,

20. Испещренные проклятьями тучи рвет в клочья, во прах топчет скрижали закона, вечных коней выпуская из логова тьмы, провозглашая:

ИМПЕРИИ БОЛЬШЕ НЕТ!

Хор:

Нет боле ни хриплых проклятий черных Священников Врана зари сыновьям наслажденья! Ни его многочисленной братии, кою нарек он свободною - вервь вязать и своды возвесть. Ни жалких церковных запретов, именующих девственными тех, кто возжелал и не сделал!

ИБО ВСЕ ЖИВОЕ СВЯЩЕННО!

THE MARRIAGE of HEAVEN and HELL

The Argument.

Rintrah roars shakes his fires in the Hungry clouds swag on the deep

Once meek, and in a perilous path, The just man kept his course along The vale of death. Roses are planted where thorns grow. And on the barren heath Sing the honey bees.

Then the perilous path was planted: And a river, and a spring On every cliff and tomb; And on the bleached bones Red clay brought forth.

Till the villain left the paths of ease, To walk in perilous paths, and drive The just man into barren climes.

Now the sneaking serpent walks In mild humility. And the just man rages in the wilds Where lions roam.

Rintrah roars shakes his fires in the Hungry clouds swag on the deep.

As a new heaven is begun, and it is now thirty-three years since its advent: the Eternal Hell revives. And lo! Swedenborg is the Angel sitting at the tomb; his writings are the linen clothes folded up. Now is the dominion of Edom, the return of Adam into Paradise; see Isaiah XXXIV XXXV Chap: Without Contraries is no progression. Attraction and Repulsion, Reason and Energy, Love and Hate, are necessary to Human existence. From these contraries spring what the religious call Good Evil. Good is the passive that obeys Reason[.] Evil is the active springing from Energy. Good is Heaven. Evil is Hell.

The voice of the Devil

All Bibles or sacred codes. have been the causes of the following Errors. 1. That Man has two real existing principles Viz: a Body a Soul. 2 That Energy. call'd Evil. is alone from the Body. that Reason. call'd Good. is alone from the Soul. 3. That God will torment Man in Eternity for following his Energies. But the following Contraries to these are True 1 Man has no Body distinct from his Soul for that call'd Body is a portion of Soul discern'd by the five Senses. the chief inlets of Soul in this age 2. Energy is the only life and is from the Body and Reason is the bound or outward circumference of Energy. 3 Energy is Eternal Delight

Those who restrain desire, do so because theirs is weak enough to be restrained; and the restrainer or reason usurps its place governs the unwilling. And being restrained it by degrees becomes passive till it is only the shadow of desire. The history of this is written in Paradise Lost. the Governor or Reason is call'd Messiah. And the original Archangel or possessor of the

command of the heavenly host, is call'd the Devil or Satan and his children are call'd Sin Death
But in the Book of Job Miltons Messiah is call'd Satan. For this history has been adopted by both
parties It indeed appear'd to Reason as if Desire was cast out. but the

Devils account is, that the Messiah fell. formed a heaven of what he stole from the Abyss
This is shewn in the Gospel, where he prays to the Father to send the comforter or Desire that
Reason may have Ideas to build on, the Jehovah of the Bible being no other than he, who dwells
in flaming fire. Know that after Christs death, he became Jehovah. But in Milton; the Father is
Destiny, the Son, a Ratio of the five senses. the Holy-ghost, Vacuum! Note. The reason Milton
wrote in fetters when he wrote of Angels God, and at liberty when of Devils Hell, is because he
was a true Poet and of the Devils party without knowing it

A Memorable Fancy.

As I was walking among the fires of hell, delighted with the enjoyments of Genius; which
to Angels look like torment and insanity. I collected some of their Proverbs: thinking that as the
sayings used in a nation, mark its character, so the Proverbs of Hell, shew the nature of Infernal
wisdom better than any description of buildings or garments. When I came home; on the abyss of
the five senses, where a flat sided steep frowns over the present world. I saw a mighty Devil
folded in black clouds, hovering on the sides of the rock, with corroding fires he wrote the
following sentence now percieved by the minds of men, read by them on earth.

How do you know but ev'ry Bird that cuts the airy way, Is an immense world of delight,
clos'd by your senses five?

Proverbs of Hell.

In seed time learn, in harvest teach, in winter enjoy.

Drive your cart and your plow over the bones of the dead. The road of excess leads to the
palace of wisdom.

Prudence is a rich ugly old maid courted by Incapacity. He who desires but acts not, breeds
pestilence.

The cut worm forgives the plow.

Dip him in the river who loves water.

A fool sees not the same tree that a wise man sees. He whose face gives no light, shall
never become a star.

Eternity is in love with the productions of time. The busy bee has no time for sorrow. The
hours of folly are measur'd by the clock, but of wisdom: no measure.

All wholsom food is caught without a net or a trap. Bring out number weight measure in a
year of dearth.

No bird soars too high. if he soars with his own wings.

A dead body. revenges not injuries.

The most sublime act is to set another before you.

If the fool would persist in his folly he would become wise Folly is the cloke of knavery.

Shame is Prides cloke.

Prisons are built with stones of Law, Brothels with bricks of The pride of the peacock is the
glory of God. The lust of the goat is the bounty of God. The wrath of the lion is the wisdom of
God. The nakedness of woman is the work of God.

Excess of sorrow laughs. Excess of joy weeps.

The roaring of lions, the howling of wolves, the raging of the stormy sea, and the
destructive sword. are portions of eternity too great for the eye of man.

The fox condemns the trap, not himself. Joys impregnate. Sorrows bring forth.

Let man wear the fell of the lion. woman the fleece of the sheep.

The bird a nest, the spider a web, man friendship.

The selfish smiling fool. the sullen frowning fool shall be both thought wise. that they may
be a rod.

What is now proved was once, only imagin'd. The rat, the mouse, the fox, the rabbit; watch
the roots, the the horse, the elephant, watch the fruits.

The cistern contains: the fountain overflows One thought. fills immensity. Always be ready to speak your mind, and a base man will avoid you.

Every thing possible to be believ'd is an image of truth.

The eagle never lost so much time, as when he submitted to learn

The fox provides for himself. but God provides for the lion. Think in the morning, Act in the noon, Eat in the evening, Sleep He who has sufferd you to impose on him knows you. As the plow follows words, so God rewards prayers.

The tygers of wrath are wiser than the horses of instruction

Expect poison from the standing water.

You never know what is enough unless you know what is more than

Listen to the fools reproach! it is a kingly title!

The eyes of fire, the nostrils of air, the mouth of water, the

The weak in courage is strong in cunning. The apple tree never asks the beech how he shall grow, nor the how he shall take his prey. The thankful reciever bears a plentiful harvest.

If others had not been foolish. we should be so. The soul of sweet delight. can never be defil'd,

When thou seest an Eagle, thou seest a portion of Genius lift up As the catterpillar chooses the fairest leaves to lay her eggs on, lays his curse on the fairest joys.

To create a little flower is the labour of ages.

Damn. braces: Bless relaxes.

The best wine is the oldest. the best water the newest. Prayers plow not! Praises reap not! Joys laugh not! Sorrows weep not!

The head Sublime, the heart Pathos, the genitals Beauty, the hands Proportion.

As the air to a bird or the sea to a fish, so is contempt to the The crow wish'd every thing was black, the owl, that every thing

Exuberance is Beauty.

If the lion was advised by the fox. he would be cunning.

Improvement makes strait roads, but the crooked roads without Improvement, are roads of Genius. t148

Sooner murder an infant in its cradle than nurse unacted desires

Where man is not nature is barren.

Truth can never be told so as to be understood, and not be

Enough! or Too much

The ancient Poets animated all sensible objects with Gods or Geniuses calling them by the names and adorning them with the properties of woods, rivers, mountains, lakes, cities, nations, and whatever their enlarged numerous senses could percieve. And particularly they studied the genius of each city country. placing it under its mental deity. Till a system was formed, which some took advantage of enslav'd the vulgar by attempting to realize or abstract the mental deities from their objects: thus began Priesthood. Choosing forms of worship from poetic tales. And at length they pronounced that the Gods had orderd such things. Thus men forgot that All deities reside in the human breast.

A Memorable Fancy.

The Prophets Isaiah and Ezekiel dined with me, and I asked them how they dared so roundly to assert. that God spake to them; and whether they did not think at the time, that they would be misunderstood, so be the cause of imposition. Isaiah answer'd. I saw no God. nor heard any, in a finite organical perception; but my senses discover'd the infinite in every thing, and as I was then perswaded. remain confirm'd; that the voice of honest indignation is the voice of God, I cared not for consequences but wrote. Then I asked: does a firm perswasion that a thing is so, make it He replied. All poets believe that it does, in ages of

this firm perswasion removed mountains; but many are not capable of a firm perswasion of any thing. Then Ezekiel said. The philosophy of the east taught the first principles of human perception some nations held one principle for the origin some another, we of Israel taught that the

Poetic Genius (as you now call it) was the first principle and all the others merely derivative, which was the cause of our despising the Priests Philosophers of other countries, and propheying that all Gods would at last be proved. to originate in ours to be the tributaries of the Poetic Genius, it was this. that our great poet King David desired so fervently invokes so pathetically, saying by this he conquers enemies governs kingdoms; and we so loved our God. that we cursed in his name all the deities of surrounding nations, and asserted that they had rebelled; from these opinions the vulgar came to think that all nations would at last be subject to the jews. This said he, like all firm perswasions, is come to pass, for all nations believe the jews code and worship the jews god, and what greater subjection can be I heard this with some wonder, must confess my own conviction. After dinner I ask'd Isaiah to favour the world with his lost works, he said none of equal value was lost. Ezekiel said the same of his. I also asked Isaiah what made him go naked and barefoot three years? he answerd, the same that made our friend Diogenes the I then asked Ezekiel. why he eat dung, lay so long on his right left side? he answerd. the desire of raising other men into a perception of the infinite this the North American tribes practise. is he honest who resists his genius or conscience. only for the sake of present ease or gratification? The ancient tradition that the world will be consumed in fire at the end of six thousand years is true. as I have heard from For the cherub with his flaming sword is hereby commanded to leave his guard at the tree of life, and when he does, the whole creation will be consumed, and appear infinite. and holy whereas it now appears finite corrupt. This will come to pass by a improvement of sensual enjoyment. But first the notion that man has a body distinct from his soul, is to be expunged; this I shall do, by printing in the infernal method, by corrosives, which in Hell are salutary and medicinal, melting apparent surfaces away, and displaying the infinite which was hid. If the doors of perception were cleansed every thing would appear to man as it is: infinite. For man has closed himself up, till he sees all things thro' narrow chinks of his cavern.

A Memorable Fancy

I was in a Printing house in Hell saw the method in which knowledge is transmitted from generation to generation. In the first chamber was a Dragon-Man, clearing away the rubbish from a caves mouth; within, a number of Dragons were hollowing the cave, In the second chamber was a Viper folding round the rock the cave, and others adorning it with gold silver and precious stones. In the third chamber was an Eagle with wings and feathers of air, he caused the inside of the cave to be infinite, around were numbers of Eagle like men, who built palaces in the immense cliffs. In the fourth chamber were Lions of flaming fire raging around melting the metals into living fluids. In the fifth chamber were Unnam'd forms, which cast the metals into the expanse. There they were reciev'd by Men who occupied the sixth chamber, and took the forms of books were arranged in libraries.

The Giants who formed this world into its sensual existence and now seem to live in it in chains; are in truth the causes of its life the sources of all activity, but the chains are, the cunning of weak and tame minds. which have power to resist energy. according to the proverb, the weak in courage is strong in cunning. Thus one portion of being, is the Prolific. the other, the Devouring: to the devourer it seems as if the producer was in his chains, but it is not so, he only takes portions of existence and fancies that the whole. But the Prolific would cease to be Prolific unless the Devourer as a sea recieved the excess of his delights. Some will say, Is not God alone the Prolific? I answer, God only Acts Is, in existing beings or Men. These two classes of men are always upon earth, they should be enemies; whoever tries to reconcile them seeks to destroy Religion is an endeavour to reconcile the two. Note. Jesus Christ did not wish to unite but to separate them, as in the Parable of sheep and goats! he says I came not to send Peace but a Sword. Messiah or Satan or Tempter was formerly thought to be one of the Antediluvians who are our Energies.

A Memorable Fancy

An Angel came to me and said. O pitiable foolish young man! O horrible! O dreadful state! consider the hot burning dungeon thou art preparing for thyself to all eternity, to which thou art going in such career. I said. perhaps you will be willing to shew me my eternal lot we will contemplate together upon it and see whether your lot or mine is most desirable So he took me thro'

a stable thro' a church down into the church vault at the end of which was a mill: thro' the mill we went, and came to a cave. down the winding cavern we groped our tedious way till a void boundless as a nether sky appeard beneath us we held by the roots of trees and hung over this immensity; but I said, if you please we will commit ourselves to this void and see whether providence is here also, if you will not I will? but he answerd. do not presume O young-man but as we here remain behold thy lot which will soon appear when the darkness passes away So I remaind with him sitting in the twisted root of an oak. he was suspended in a fungus which hung with the head downward into the deep: By degrees we beheld the infinite Abyss, fiery as the smoke of a burning city; beneath us at an immense distance was the sun, black but shining[;] round it were fiery tracks on which revolv'd vast spiders, crawling after their prey; which flew or rather swum in the infinite deep, in the most terrific shapes of animals sprung from corruption. the air was full of them, seemd composed of them; these are Devils. and are called Powers of the air, I now asked my companion which was my eternal lot? he said, between the black white spiders But now, from between the black white spiders a cloud and fire burst and rolled thro the deep blackning all beneath, so that the nether deep grew black as a sea rolled with a terrible noise: beneath us was nothing now to be seen but a black tempest, till looking east between the clouds the waves, we saw a cataract of blood mixed with fire and not many stones throw from us appeard and sunk again the scaly fold of a monstrous serpent. at last to the east, distant about three degrees appeard a fiery crest above the waves slowly it reared like a ridge of golden rocks till we discoverd two globes of crimson fire. from which the sea fled away in clouds of smoke, and now we saw, it was the head of Leviathan. his forehead was divided into streaks of green purple like those on a tygers forehead: soon we saw his mouth red gills hang just above the raging foam tinging the black deep with beams of bood, advancing toward us with all the fury of a spiritual existence. My friend the Angel climb'd up from his station into the mill; I remain'd alone, then this appearance was no more, but I found

myself sitting on a pleasant bank beside a river by moon light hearing a harper who sung to the harp. his theme was, The man who never alters his opinion is like standing water, breeds reptiles of the mind. But I arose, and sought for the mill, there I found my Angel, who surprised asked me, how I escaped? I answerd. All that we saw was owing to your metaphysics: for when you ran away, I found myself on a bank by moonlight hearing a harper, But now we have seen my eternal lot, shall I shew you yours? he laughd at my proposal: but I by force suddenly caught him in my arms, flew westerly thro' the night, till we were elevated above the earths shadow: then I flung myself with him directly into the body of the sun, here I clothed myself in white, taking in my hand Swedenborgs volumes sunk from the glorious clime, and passed all the planets till we came to saturn, here I staid to rest then leap'd into the void, between saturn the fixed stars. Here said I! is your lot, in this space, if space it may be calld, Soon we saw the stable and the church, I took him to the altar and open'd the Bible, and lo! it was a deep pit, into which I descended driving the Angel before me, soon we saw seven houses of brick, one we enterd; in it were anumber of monkeys, baboons, all of that species chaind by the middle, grinning and snatching at one another, but withheld by the shortness of their chains: however I saw that they sometimes grew numerous, and then the weak were caught by the strong and with a grinning aspect, first coupled with then devourd, by plucking off first one limb and then another till the body was left a helpless trunk this after grinning kissing it with seeming fondness they devourd too; and here there I saw one savourily picking the flesh off of his own tail; as the stench terribly annoyd us both we went into the mill, I in my hand brought the skeleton of a body, which in the mill was Aristotles Analytics. So the Angel said: thy phantasy has imposed upon me thou oughtest to be ashamed. I answerd: we impose on one another, it is but lost time to converse with you whose works are only Analytics.

Opposition is true Friendship.

I have always found that Angels have the vanity to speak of themselves as the only wise; this they do with a confident insolence sprouting from systematic reasoning: Thus Swedenborg boasts that what he writes is new; tho' it is only the Contents or Index of already publish'd books A man carried a monkey about for a shew, because he was a little wiser than the monkey, grew vain, and conciev'd himself as wiser than seven men. It is so with Swedenborg; he shews the folly of churches

exposes hypocrites, till he imagines that all are religious. himself the single one on earth that ever broke a Now hear a plain fact: Swedenborg has not written one new truth: Now hear another: he has written all the old falsehoods. And now hear the reason. He conversed with Angels who are all religious, conversed not with Devils who all hate religion, for he was incapable thro' his conceited notions. Thus Swedenborg's writings are a recapitulation of all superficial opinions, and an analysis of the more sublime, but no Have now another plain fact: Any man of mechanical talents may from the writings of Paracelsus or Jacob Behmen, produce ten thousand volumes of equal value with Swedenborg's. and from those of Dante or Shakespear, an infinite number. But when he has done this, let him not say that he knows better than his master, for he only holds a candle in sunshine.

A Memorable Fancy

Once I saw a Devil in a flame of fire. who arose before an Angel that sat on a cloud. and the Devil utterd these words. The worship of God is. Honouring his gifts in other men each according to his genius. and loving the greatest men best, those who envy or calumniate great men hate God, for there is no other God. The Angel hearing this became almost blue but mastering himself he grew yellow, at last white pink smiling, and then Thou Idolater, is not God One? is not he visible in Jesus Christ? and has not Jesus Christ given his sanction to the law of ten commandments and are not all other men fools, sinners, The Devil answer'd; bray a fool in a mortar with wheat. yet shall not his folly be beaten out of him: if Jesus Christ is the greatest man, you ought to love him in the greatest degree; now hear how he has given his sanction to the law of ten commandments: did he not mock at the sabbath, and so mock the sabbaths God? murder those who were murderd because of him? turn away the law from the woman taken in adultery? steal the labor of others to support him? bear false witness when he omitted making a defence before Pilate? covet when he pray'd for his disciples, and when he bid them shake off the dust of their feet against such as refused to lodge them? I tell you, no virtue can exist without breaking these ten commandments: Jesus was all virtue, and acted from impulse: not from rules. When he had so spoken: I beheld the Angel who stretched out his arms embracing the flame of fire he was consumed and arose as Elijah.

Note. This Angel, who is now become a Devil, is my particular friend: we often read the Bible together in its infernal or diabolical sense which the world shall have if they behave well I have also: The Bible of Hell: which the world shall have whether they will or no.

One Law for the Lion Ox is Oppression

A Song of Liberty

1. The Eternal Female groand! it was heard over all the Earth: 2. Albions coast is sick silent; the American meadows faint! 3 Shadows of Prophecy shiver along by the lakes and the rivers and mutter across the ocean! France rend down thy dungeon; 4. Golden Spain burst the barriers of old Rome; 5. Cast thy keys O Rome into the deep down falling, even to eternity down falling, 6. And weep! 7. In her trembling hands she took the new, born terror howling; 8. On those infinite mountains of light now barr'd out by the atlantic sea, the new born fire stood before the starry king! 9. Flag'd with grey brow'd snows and thunderous visages the jealous wings wav'd over the deep. 10. The speary hand burned aloft, unbuckled was the shield, forth went the hand of jealousy among the flaming hair, and hurl'd the new born wonder thro' the starry night. 11. The fire, the fire, is falling! 12. Look up! look up! O citizen of London. enlarge thy countenance; O Jew, leave counting gold! return to thy oil and wine; O African! black African! (go. winged thought widen his 13. The fiery limbs, the flaming hair, shot like the sinking sun into the western sea. 14. Wak'd from his eternal sleep, the hoary, element roaring fled 15. Down rushd beating his wings in vain the jealous king: his grey brow'd councillers, thunderous warriors, curl'd veterans, among helms, and shields, and chariots horses, elephants: banners, castles, slings and rocks, 16. Falling, rushing, ruining! buried in the ruins, on Urthona's 17. All night beneath the ruins, then their sullen flames faded emerge round the gloomy king, 18. With thunder and fire: leading his starry hosts thro' the waste he promulgates his ten commands, glancing his beamy eyelids over the deep in dark dismay, 19. Where the son of fire in his eastern cloud, while the morning plumes her golden breast, 20. Spurning the clouds written with curses, stamps the stony law to dust, loosing the eternal horses from the dens of night,

Empire is no more! and now the lion wolf shall cease.

которую облачены ангелы.

Едом - страна старшего из сыновей Исаака, Исава (Едома), лишённого первородства Иаковом; в Библии - символ язычества и врагов Божиих.

Книга пророка Исаии, гл. XXXIУ, XXXV - так называемый "малый Апокалипсис". В этих главах говорится об отмщении Богом Едому и о последующем новом расцвете земли (т.е. возвращении Адама в Едем).

Глас Дявола

Следует напомнить, что в "Бракосочетании..." Дявол есть сила, враждебная Богу, но не человеку: он воплощает в себе творческую Энергию энергию неповиновения; Блейк развивает богоборческую традицию, заложенную в английской литературе Дж.Мильтоном. Именно в уста Дявола Блейк вкладывает слова истины, постулаты "Библии Ада", которые изложены предельно ясно и вряд ли требуют разъяснения.

Что человеку присущи два начала... - Сведенборг особенно горячо отстаивает библейский постулат о нетождественности тела и души.

Кто угнетает...

Речь вновь идет о превосходстве Энергии (здесь - Желания), как естественного порыва, над Разумом. В подкрепление своей мысли Блейк опирается на Мильтона, который считал Сатану олицетворением Энергии, а Бога - олицетворением подавления и деспотии. Сатана ближе Мильтону, как поэту, оттого, что воплощает в себе творческое, созидательное начало.

Однако же в книге Иова... - ср. Иов, 1: 6-12 и 2: 1-7: "Был день, когда пришли сыны Божий предстать пред Господа; между ними пришел исатана. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу, и сказал: я ходил по земле и обошел ее". Сатана, как и Мессия, испытывает здесь людей на верность Богу.

Так сказано в Евангелии... - Иоанн, 14: 16: "И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя".

А по Мильтону... - Мильтон изображает Бога-Отца (Иегову) как безжалостного деспота, Бога-Сына - как ненавистное Блейку Рацио, а Святой Дух не упоминается им вообще, почему Блейк и называет его "Вакуумом".

Для Блейка Иегова - мстительное, деспотичное божество (он же Уризен), подавляющее естественное в человеке. Ему противопоставлен Христос, источник благостной Энергии, то есть принадлежащий равно и Небу, и Аду, Сведенборг ревностно отстаивал единство Бога-Отца и Бога-Сына. Блейк же поворачивает эту мысль иначе: Мессия является одновременно и Иеговой, и Дяволом.

Достопамятное видение

Название содержит явную сатиру на "Достопамятные откровения" аллегорические притчи, которыми Сведенборг в поздний период дополнял каждую главу своих работ.

Прогуливаясь меж языков... - "Небо и Ад" содержит целый ряд глав, где Сведенборг описывает свои видения, в которых он посещал Небо.

Притчи Ада

Составляют наиболее часто цитируемую часть блейковского наследия, многие из этих афоризмов прочно вошли в живую английскую речь. Благодаря своему тематическому многообразию и образности, они вбирают в себя практически все основные идеи поэта. "Притчи" содержат многочисленные выпады против библейских Притч Царя Соломона и служат еще одним утверждением богоборческих взглядов Блейка. Возможно, непосредственная форма "Притч" была подсказана "Афоризмами" швейцарца Иоганна Каспара Лаватера (1788), которые Блейк внимательно изучал и иллюстрировал. Однако подробные комментарии к этому "своду Библии Ада" могли бы составить отдельную книгу, поэтому мы воздержимся от каких-либо разъяснений. В данном случае текст должен говорить сам за себя.

Достопамятное видение

Блейк в очередной раз утверждает приоритет Поэтического Гения (Воображения) над простым чувственным восприятием, подкрепляя свою правоту словами ветхозаветных

пророков Исаии и Иезекииля.

Поэт Царь Давид - Давид считается автором библейских псалмов.

И спросил я, Исаию... - по велению Господа, Исаия три года ходил нагой и босой (Исаия, 20).

Диоген (412-323 гг. до н.э.) - греческий философ-киник. Считал, что кратчайший путь к совершенству лежит через истязание плоти; отстаивая свои идеи, намеренно подвергал себя физическим мучениям.

И спросил я Иезекииля... - во искупление грехов Иерусалима Господь повелел Иезекиилю триста девяносто дней лежать на левом боку и сорок на правом, питаясь лепешками, замешанными на коровьем помете (Иезекииль, 4: 12-15).

Блейк приводит эти притчи как примеры верности Идеи.

Как слышал я в Аду...

Содержит описание блейковского Апокалипсиса, то есть гибели мира в очистительном огне Ада - освобожденного Воображения и творческой Энергии. Эта гибель "расчистит врата восприятия", то есть положит конец владычеству Уризена.

Печатаемая сатанинским способом... - метафора содержит намек на технологию создания "иллюминированной печати" - гравировку травлением.

Достопамятное видение

Речь идет о рождении мысли и способах передачи ее людям. Драконы символы чувственного восприятия - удаляют "пустую породу" старых представлений и передают мысль Змею, то есть разуму, который украшает ее камнями - претворяет в слова. Далее Орел (Поэтический Гений) возносит мысль на вершины Воображения, после чего она превращается в "текущие жидкости", то есть через творческий акт становится творением Художника, а затем облекается в материальную форму (еще один намек на создание "иллюминированных листов") и в виде книг попадает к людям.

Не исключено, что в этом "Видении" заложен и еще один смысл: Блейк описывает пять чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), а также шестое, "синтезирующее" достижение первых пяти.

Гиганты, основавшие мир...

Блейк делит всех людей на Животворящих (служителей Энергии) и Пожирателей (служителей Разума), которые, согласно его диалектике, невозможны друг без друга, ибо составляют два необходимых жизненных начала: Животворящие - мужское, активное, бунтующее; Пожиратели - женское, пассивное, смиренное (ср. символику "Песен Опыта").

Притча об агнцах и козлищах - "Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним: тогда сядет на престоле славы Своей; и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов по левую" (Матфей, 25: 31-33).

Не мир пришел Я принести, но меч" - Матфей, 10: 34. ...одною из первооснов... - ср. Бытие, 6:4: "В то

время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им". Блейк намекает, что Сатана был одним из прародителей рода человеческого.

Достопамятное видение

Сведенборгианский ангел показывает Блейку его участь, проводя его через хлев "мулов наставления" (ср. "Притчи Ада") и церковь - прибежище догматической религии - в склеп, где покоятся убитые желанием, а потом - на мельницу (символ ньютоновского, материалистического понимания мира, против которого резко восставал Блейк) и в пещеру, под которой открывается описанный Сведенборгом Ад, где души Блейка и ему подобных терзают черный и белый пауки - традиционные концепции Добра и Зла. С востока - из обители Воображения - появляется Левиафан, символ Энергии и страсти, которого Блейк не случайно сравнивает с Тигром. Для ангела он ужасен, для поэта - прекрасен в своем грозном величии.

Затем Блейк внимает арфисту, поющему о человеке, не меняющем суждений (то есть приверженце традиционной концепции Неба и Ада), после чего силой увлекает ангела в свою Вселенную. Они снова попадают в церковь, где обнаруживают Библию - вход в подземелье догматической веры; там они видят семь домов - семь христианских церквей (ср. Откровение, 1: 4), в которых пожирают друг друга всевозможные религиозные и философские концепции. Одна из них - "Аналитика" греческого философа Аристотеля (384322 гг. до н.э.). Аристотель, последователь Платона, отверг диалектико-идеалистические представления своего учителя и сделал попытку объяснить познание, исходя исключительно из чувственного восприятия.

...вплоть до Сатурна - Сатурн в те времена считался последней планетой небесной сферы.

Раздор - вот истинная дружба. - В авторском издании это сентенция награвирована внизу листа. Она представляет собой своего рода "реплику в сторону", связанную с текстом по смыслу, но выпадающую из его структуры.

Сплошь и рядом...

Отступление содержит открытую критику взглядов Сведенборга.

Парацельс, Теофраст Бомбаст (1493-1541) - швейцарский врач, алхимик, теолог-мистик.

Беме Якоб (1575-1624) - немецкий философ-мистик.

Достопамятное видение

Ангел, стоящий на позиции Сведенборга, отстаивает триединство Бога. Дьявол же доказывает "человеческую" сущность Христа, который последовал божественной догме, но поступал согласно желанию, то есть повинаясь естественным движениям души.

Глумился над Субботой... - "И случилось Ему в субботу проходить засеянными полями; и ученики Его дорогою начали срывать колосья. И фарисеи сказали Ему: смотри, что они делают в субботу, чего не должно делать? Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?.. И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы" (Марк, 2: 23-27).

Не Он ли отвратил закон от блудницы... - см. Иоанн, 8: 1-11.

Не Он ли присваивал чужой труд... - "После сего Он проходил по городам и селениям... и с Ним Двенадцать, и некоторые женщины.. которые служили Ему умением своим" (Лука, 8: 1-3) - то есть заботились о Его хлебе насущном, чтобы Он мог все время посвящать проповеди Своего учения.

...пренебрегая защитой пред Пилатом - "Тогда говорит Ему Пилат: и" слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя? И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился" (Матфей, 27: 13-14).

...когда велел им отряхнуть прах... - "А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших" (Матфей, 10: 14).

Библия Ада - Блейк имеет в виду свои "пророческие" книги.

Волу и льву закон един - насилие. - Ср. выше, Раздор - вот истинная дружба.

Песнь Свободы

Гимн торжеству Воображения над Разумом, Дьявола над Богом. Очистительная Энергия видится Блейку в революционных событиях (прежде всего во Французской Революции 1789 года, которую он горячо приветствовал в период создания "Бракосочетания Неба и Ада"), а Рим становится символом религиозного догматизма. Далее разворачивается битва между Князем Звезд, Уризенном (ср. "звездный свод" во "Вступлении" к "Песням Опыта"), и Сатаной (Князем Тьмы), персонифицирующим Воображение. Сын Пламени - это, скорее всего, Орк, блейковский бог бунта. Завершается "Песнь Свободы" основным постулатом "Библии Ада" - "Все Живое - Священно", то есть отрицанием Бога, отдельного от человека, провозглашением божественности Человека и Природы, диалектически объединяющих в себе Добро и Зло.

ПУТЕМ ДУХОВНЫМ

Я пересек Страну Людей, Мужчин и Женщин видел там И Страх вошел в меня такой,
Что на Земле неведом вам.

Дитя рожать у них - восторг, А вот зачатые - горький труд; Так сеют в муках семена
Зато потом с улыбкой жнут.

Когда у них родится Сын, Его Старуха заберет Распнет Младенца на скале И вопли в
чашу соберет.

Терновый даст ему венец, Пронзит конечности гвоздем А сердце, вырвав из груди,
Кладет на лед и жжет огнем.

Переберет за нервом нерв, Ей вопли мальчика - бальзам; И молодеет с каждым днем, А
он мужает по часам.

И сбросив цепи, он встает Пред Девой Отроком в крови И подминает под себя, И
предает своей Любви.

И вот победно, словно муж, В нее он корневищем врос, Ворвавшись в плодоносный
Сад, Где рдеет лучшая из роз.

Меж тем он чахнет на глазах Обходит Тенью Дольний Дом; Кругом сокровища его, Что
взяты потом и трудом.

Там золото безумных дум И жемчуга влюбленных глаз, Рубины выплаканных слез И
страсти блещущий алмаз.

Они - Вино его и Хлеб! Толпа голодных у дверей И двери настезь: заходи! И досыта
здесь ешь и пей!

Он принял муки - и ему Теперь под сводами звонят... Но новорожденная Дщерь Встает
пред ними из Огня!

Она, как золото, горит, Ее не тронуть и не взять Огнем Пылающую Плоть Никто не
смеет спеленать!

Она к Любовнику идет, Ища не золото, не пыл; А Дряхлый Призрак выгнан вон Он
Дщери Огненной не мил!

Где Старику искать приют? Бредет, согбенный и слепой, Пока не сможет обрести
Объятий Девы молодой.

Лишь холодеющую плоть Он опалит ее Огнем Засохнет плодоносный Сад И рухнет
обветшалый Дом.

И Постояльцы Дома - прочь! Иному Оку - Взор иной! Смешались Чувства - и Объем
Восстал из Плоскости Земной!

Затмились Солнце и Луна, Померкли мириады Звезд. Что пить ему? Что есть ему?
Лишь камни голые окрест...

Ее улыбки чистый мед, Ее очей манящий взгляд, Вино и Хлеб невинных уст Его
питают и целят.

Так ест и пьет - а между тем Он все моложе с каждым днем; Они в отчаяньи бредут
Пустыней скорбною вдвоем...

Страх Деву гонит от него И расставляет западни, Уводит в Лабиринт Любви, Где ночь
и день бегут они.

Она пускает в ход Каприз, Разросся в заросли Обман А в них медведь и волк живут, И
лев блуждает меж полян.

Он стал - Заблудшее Дитя, Она - уже Старуха вновь... Мигают Звезды в Небесах, И
всюду царствует Любовь!

Отведать радостей ее Плоды роскошные зовут; И живописны шалаши, В которых
Пастухи живут.

Но только Грозное Дитя Предстанет перед Пастухом, Он дико крикнет: И в ужасе
покинет Дом.

Известно: лишь Исчадь тронь Отсохнет длань, - и не помочь! Плоды попадали с
ветвей, И звери убежали прочь.

Придет Старуха - ей одной С Младенцем справиться дано; Исчадь Грозное распнет, А
дальше - как заведено...

THE MENTAL TRAVELLER

I traveli'd thro' a land of men, A land of men and women too; And heard and saw such dreadful things As cold earth-wanderers never knew.

For there the Babe is born in joy That was begotten in dire woe; Just as we reap in joy the fruit Which we in bitter tears did sow.

And if the Babe is born a boy He's given to a Woman Old, Who nails him down upon a rock, Catches his shrieks in cups of gold.

She binds iron thorns around his head, She pierces both his hands and feet, She cuts his heart out at his side, To make it feel both cold and heat.

Her fingers number every nerve, Just as a miser counts his gold; She lives upon his shrieks and cries, And she grows young as he grows old.

Till he becomes a bleeding Youth, And she becomes a Virgin bright; Then he rends up his manacles, And binds her down for his delight.

He plants himself in all her nerves, Just as a husbandman his mould; And she becomes his dwelling-place And garden fruitful seventyfold.

An aged Shadow, soon he fades, Wandering round an earthly cot, Full filled all with gems and gold Which he by industry had got.

And these are the gems of the human soul, The rubies and pearls of a love-sick eye, The countless gold of the aching heart, The martyr's groan and the lover's sigh.

They are his meat, they are his drink; He feeds the beggar and the poor And the wayfaring traveller: For ever open is his door.

His grief is their eternal joy; They make the roofs and walls to ring; Till from the fire on the hearth A little Female Babe does spring.

And she is all of solid fire And gems and gold, that none his hand Dares stretch to touch her baby form, Or wrap her in his swaddling-band.

But she comes to the man she loves, If young or old, or rich or poor; They soon drive out the Aged Host, A beggar at another's door.

He wanders weeping far away, Until some other take him in; Oft blind and age-bent, sore distrest, Until he can a Maiden win.

And to allay his freezing age, The poor man takes her in his arms; The cottage fades before his sight, The garden and its lovely charms.

The guests are scatter'd thro' the land, For the eye altering alters all; The senses roll themselves in fear, And the flat earth becomes a ball;

The stars, sun, moon, all shrink away, A desert vast without a bound, And nothing left to eat or drink, And a dark desert all around.

The honey of her infant lips, The bread and wine of her sweet smile, The wild game of her roving eye, Does him to infancy beguile;

For as he eats and drinks he grows Younger and younger every day; And on the desert wild they both Wander in terror and dismay.

Like the wild stag she flees away, Her fear plants many a thicket wild; While he pursues her night and day, By various arts of love beguil'd;

By various arts of love and hate, Till the wide desert planted o'er With labyrinths of wayward love, Where roam the lion, wolf, and boar.

Till he becomes a wayward Babe, And she a weeping Woman Old. Then many a lover wanders here; The sun and stars are nearer roli'd;

The trees bring forth sweet ecstasy To all who in the desert roam; Till many a city there is built, And many a pleasant shepherd's home.

But when they find the Frowning Babe, Terror strikes thro' the region wide: They cry 'The Babe! the Babe is born!' And flee away on every side.

For who dare touch the Frowning Form, His arm is withered to its root; Lions, boars, wolves, all howling flee, And every tree does shed its fruit.

And none can touch that Frowning Form, Except it be a Woman Old; She nails him down

upon the rock, And all is done as I have told.

КОММЕНТАРИИ ПУТЕМ ДУХОВНЫМ

Стихотворение "Путем Духовным" датируется 1799-1800 гг. и входит в так называемый "Манускрипт Пикеринга" (одну из не опубликованных при жизни блейковских рукописей, названную по имени первого владельца, издателя Бэзила Пикеринга). В этом стихотворении Блейк прослеживает собственный "духовный путь", а также - в виде обобщения - путь всего человечества. Напомним, что стихотворение относится к периоду, когда Блейк разочаровался в своих "натуралистических" взглядах и нащупывал путь к новому, чисто духовному восприятию. Хотя эта своеобразная исповедь написана достаточно простым языком и в достаточно несложной образной системе, она, тем не менее, довольно трудна для понимания, поэтому мы предлагаем анализ по строфам.

1-2: В этих строфах описывается страна духа, населенная Мужчинами и Женщинами - двумя типами идей, - по которой странствует Путник (заметим, что начинается стихотворение от первого лица). Естественные законы земного мира поставлены в этой стране "с ног на голову": зачатые (зарожденные идеи) здесь мука, а роды (претворение в жизнь) - радость.

3-7: Сын - это натуралистическая, идущая от реальности идея (не следует забывать, что мужское начало ассоциируется у Блейка с природным, естественным). Следовательно, Блейк начинает описание своего духовного пути с "натуралистического" периода. В образе "Старухи" скрыта одряхлевшая, отмирающая идейно-духовная парадигма, существовавшая к моменту пришествия натуралистической идеи (то есть мировоззренческие взгляды Блейка, связанные с периодом Невинности). Старая парадигма терзает и отвергает всякую новую идею, которая в муках и гонениях постепенно мужает и наконец одерживает верх, оплодотворив собой старые представления (вспомним, что на этом этапе Блейк рассматривает физическую любовь как очистительную, а свободное проявление страсти - как проявление духовности).

8-10: Восторжествовав, "натуралистическая" идея начинает стареть, однако при этом продолжает питать собой "Дольний Дом" - земную реальность. Кроме того, остаются "сокровища" - духовные богатства накопленные за время владычества данной идеи (применительно к самому Блейку - его произведения, созданные в "натуралистический" период). Строфа 9 содержит свойственную Блейку беспощадную "автопародию" на стихотворение из "Манускрипта Россетти", написанное между 1789 и 1793 гг., то есть в период торжества Невинности:

Riches

The countless gold of a merry heart,
The rubies and pearls of a loving eye,
The indolent never can bring to the mart,
Nor the secret hoard up in his treasury.

Богатства

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбует с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

Перевод С.Маршака.

11-13: Когда земной идеал, одряхлев, доказывает свою несостоятельность, ему на смену приходит новая идея совершенно иного толка ("Дщерь"). Она облечена в "Огненную Плоть", что подчеркивает ее несвязанность со всем материальным. Это - идея чисто духовная, которой чуждо все земное, плотское (т.е. "золото" и "страсть"). Так Блейк описывает свои взгляды, к которым привели духовный кризис и полное отвержение "натуралистических" представлений.

14-15: Старик, олицетворяющий теперь старую парадигму, вытеснен новым идеалом. Бессильная, одряхлевшая парадигма, утратив былую веру, ищет новый, духовный идеал, который дано обрести в Деве, окрепшей духовной идее. При их объятии земной, "натуралистический" Рай ("Дом" и "Сад") исчезает окончательно.

16-17: Блейк описывает состояние растерянности и смятения, в котором он пребывал

после утраты "натуралистического" идеала, когда у него зарождалось новое, "четырёхмерное" видение, которое, скорее всего, и подразумевается под "Объемом". Это - долгий период внутреннего кризиса, в который и было написано "Путем Духовным".

17-19: "Дольний Дом" - Мир "натуралистического" идеала - меркнет и умирает, превращается в "скорбную пустыню", однако надежда на возрождение, хотя и слабая, заключена в Деве - чисто духовной идее (идее новой, "Опытной" Невинности), и, насыщаясь ею. Старик постепенно молодеет (впитывает новую веру).

20-21: Постепенно духовная идея начинает менять облик, в ней появляется Обман, и она насаждает заросли, в которых блуждают дикие звери, "Дольний Дом" приобретает отчетливо зловещий оттенок. Здесь вновь звучит отголосок того, что Блейк разочаровался в способности духовной идеи изменить земную жизнь.

22-26: Здесь появляется новая идея (Дитя), тогда как Дева, ставшая Старухой, одряхлев, начинает умирать. Однако при этом и она оставляет свои плоды; как в случае с Идеей-Сыном, следует описание "обновленной реальности". В данном случае Блейк описывает состояние гармонии внутреннего идеала с внешним миром (в его мифологии это состояние названо Беула). Однако это мнимая и недолговечная гармония: новая идея, которая питает ее, - это Заблудшее Дитя, ибо мир Беулы очень похож на мир "Песен Невинности" (недаром Блейк использует пасторальные образы) - иллюзию, которая теперь ассоциируется у Блейка с притворством и религиозным ханжеством.

Заблудшее Дитя это "ложный Мессия", младенец-Христос фарисейской религии. Восклицанием "Родилось!" Блейк явно намекает на библейское пророчество: "Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его..." (Исаия, 9: 6). Беула превращается в царство фарисейства и духовного бесплодия, и нужна новая идея, чтобы обновить ее; а далее все следует по кругу.

"Иностранная литература", N 7, 1997

Прошло сто семьдесят лет с того дня, как тело Блейка опустили в безымянную яму для нищих, - хоронить умершего было не на что, заботы о погребении взял на себя город Лондон. Давным-давно в знаменитом Уголке поэтов Вестминстерского аббатства стоит доска, удостоверяющая, что выгравированное на ней имя принадлежит истории. Для англичан такое свидетельство весомее, чем высказывания любых авторитетов. Хотя и высказывания можно было бы приводить десятками, а простое перечисление книг о Блейке заняло бы половину этого журнального номера.

Все относящееся к его биографии, похоже, выяснено до последних мелочей - насколько подробности поддаются выяснению, когда дистанция времени уже так велика. Вроде бы должен быть исчерпан и репертуар допустимых интерпретаций оставленного им наследия. Но так только кажется. Пристальный взгляд по-прежнему обнаруживает что-то загадочное и в творчестве Блейка, и в его судьбе. Попытки разгадать эту тайну не прекращаются.

Последняя из них предпринята Питером Акройдом. Романист, которого сегодня многие считают самой яркой фигурой на английской литературной сцене, отдал работе над беллетризованной биографией Блейка без малого десятилетие. Полтора года назад книга наконец вышла в свет и, как следовало ожидать, спровоцировала острую полемику. Акройд не историк литературы, для него интуитивные догадки важнее установленных архивистами достоверностей, которые, если присмотреться, выдают предвзятость тех, кто их устанавливал с оглядкой на преобладающие мнения и вкусы. Как и в "Завещании Оскара Уайльда" или романе-биографии Диккенса, где он пересказывал собственные сны и вел душевные беседы со своим героем, Акройд и на страницах блейковского тома столь же далеко отходит от строгого изложения фактов, считающихся бесспорными, увлекается гипотезами и охотнее доверяет психологической реконструкции, а не выкладкам с опорой на общепринятые толкования. Понятно, что литературоведов такая методика не убеждает. Но у нее есть хотя бы одно бесспорное преимущество: глянец удается снять, сквозь напластования академических штудий начинает проглядывать живое лицо.

Это лицо непонятого, осмеянного, глубоко несчастного человека, который фанатично

верен своей главной идее, намного опередившей эпоху, в которую ему довелось жить. Идеей Блейка, доминантой его личности и творчества была органика. Никаких условностей, в жертву которым заставляют приносить естественные побуждения. Никаких табу - тем более в искусстве.

Впрочем, и в жизни. Ничем не дорожа так сильно, как чувством внутренней гармонии" Блейк ради этой нескванности был готов с легкостью отбросить правила социального нововведения, обязательные для подавляющего большинства его современников. Он признавал только те этические непреложности, которые провозглашала исповедуемая им хилиастическая доктрина: зародившееся еще в XII веке учение о близком Втором пришествии, Страшном суде и тысячелетнем земном царствовании Спасителя. Считаясь ересью, эта теология столетиями привлекала обездоленных и отверженных повсюду в Европе. Сын чулочника, десяти лет от роду отданный в обучение к граверу и дальше добывавший хлеб непрестижным, неприбыльным ремеслом, Блейк оказался предрасположен с готовностью принять и это неканоническое христианство, и выпестованные им понятия о моральных обязанностях. Благо обязанности оказывались примерно теми же, какие предполагало служение художественному гению. А искра гения вспыхнула очень рано, еще в ту пору, когда Блейк пробовал освоить нормативный изобразительный язык живописи, допущенной в тогдашнюю Академию, и нормативные представления о прекрасном, которые господствовали в тогдашней поэзии.

Из подобных стараний ничего не получилось. Блейк не вписывался в тогдашнюю художественную атмосферу. И не хотел этого. Он избрал для себя дорогу, пролежавшую в стороне от литературных салонов, от господствующих веяний. Выпустив у издателя первую, еще довольно наивную книжку "Поэтические наброски" (1783), он больше никогда не обращался к типографщику. Изобрел собственный способ "иллюминированной печати" - вручную изготавливалось несколько экземпляров гравюры, сопровождаемой поэтическим текстом, живописный образ возникал одновременно со стиховым, иногда предшествуя ему, иногда его дополняя, - и пытался продавать сброшюрованные листы. Так были изданы "Песни неведения" (1789). а вслед им и "Песни познания" (1792); затем оба цикла он опубликовал как единое произведение, что и замышлялось с самого начала.

Успеха эти начинания не приносили. Да и не могли принести: Блейк прекрасно знал, что вкусы современников и его понятия о значении художника расходятся очень далеко. Власть норм и порыв к органике - Акройд находит этот конфликт неразрешимым, поскольку Блейка отличало неверие в компромиссы. Восторжествовала, разумеется, нормативность, а все остальное было только следствием: провал единственной и никого не заинтересовавшей выставки 1811 года, нераспроданные экземпляры собственноручно награвированных поэм (за этими первыми образцами самиздата теперь охотятся и платят бешеные деньги коллекционеры). И твердо установившаяся репутация безумца. И фонд общественного призрения, куда пришлось обращаться, когда в 1827 году семидесятилетний Блейк умер в полном забвении и нищете.

Акройд уверен, что Блейк осознанно выбрал для себя эту тернистую дорогу, не страшась невзгод и не думая о славе - посмертной, а тем более прижизненной. Скорее всего, Акройд прав. Есть много документов, говорящих, что Блейк словно бы сам искал столкновений со своим веком. Видимо, он был из тех художников и поэтов, которых впоследствии станут называть то аутсайдерами, то маргиналами, то бунтарями, подразумевая, в сущности, одно и то же - для них расхождение с преобладающими веяниями и установками становится принципом, определяющим творческую позицию. Им не дано приспособляться. Они не продолжатели, а, пользуясь словом, когда-то предложенным в статьях Юрия Тынянова, "нововводители".

Для переводчика такие поэты и особенно заманчивы, и, наверное, особенно трудны - своей резко очерченной оригинальностью.

Блейк был "нововводителем" ничуть не меньше, чем Хлебников, чей опыт потребовал этого неологизма. И его нововведением стали не только необычные композиции или цветные

сочетания, поражающие на награвированных им листах. Не только метафоры, передающие образность символистов, словно за столетие до них Блейк уже предощущал, что в поэзии несводимость смысла к логически выстроенному ряду, сколь он ни сложен, станет цениться выше всего остального.

Как автор он вписал свое имя и в историю живописи, и в историю литературы, однако еще существеннее, что Блейк был первым из англичан, кто выразил новое самосознание личности. Романтики в этом отношении обязаны ему всем, сколь бы скептически ни отзывался о нем, например, Вордсворт и как бы далеко ни расходился с ним Колридж по характеру художественного мышления.

В 1799 году, через пять лет после того как были награвированы "Песни неведения познания", оставшиеся его высшим поэтическим свершением, он писал некоему доктору Трейперу, видимо одному из потенциальных меценатов: "Я знаю, что этот мир принадлежит Воображению и открывается только Художнику. То, что я изображаю на своем рисунке, мною невыдуманно, а увидено, но все видят по-разному. В глазах скупца гинейя затмевает солнце, а кошелек с монетами, вытершийся от долгой службы, зрелище более прекрасное, чем виноградник, гнущийся под тяжестью лозы... Чем человек является, то он и видит".

Годом раньше вышли "Лирические баллады", совместный сборник Вордсворта и Колриджа, а еще через два года для переиздания Вордсворт написал вступительную статью, ставшую манифестом романтизма. Там тоже много было сказано о верховных правах воображения, о магии искусства, постигающего реальность как тайну, о непосредственности чувства, которой следует дорожить больше, чем любыми ухищрениями, о высокой безыскусности формы. Была разработана целая концепция, очень важная для истории романтизма, - т именно концепция, некая философия поэзии, неизбежно отдающая умозрительностью. Для Блейка воображение было не отвлеченной категорией, но той подавленной человеческой способностью, которую должно пробудить искусство, воспитывая новое зрение, - а можно сказать и по-другому: нетрафаретное восприятие, органичное ощущение мира, а значит, и новую систему ценностей. Так смысл и цель поэзии понимал в ту пору один Блейк. Должно быть, поэтому он один и стал чем-то наподобие пророка. Или, по меньшей мере, культовой фигурой для многих поколений после того, как через двадцать лет после его ухода Данте Габриэл Россетти, тоже сочетавший в себе дарования поэта и художника, пусть намного более скромные, случайно наткнулся в Британском музее на пыльную связку гравюр, и для Блейка началось бессмертие.

Россетти и близкие ему литераторы - Александр Гилкрист, оставивший, заняв историю искусства, чтобы написать первую большую биографию Блейка, поэт Алджернон Суинберн - были поражены и покорены оригинальностью открывшегося им мира. Яркость поэтических образов сразу позволяла почувствовать глаз живописца, мощная философская символика гравюр выдавала поэта, для которого образцом вдохновения служил Данте, а адресатом полемики Мильтон - и не меньше. Способность видеть небо в чашечке цветка, если процитировать блейковское четверостишие, которое вспоминают чаще всего, казалась неподражаемой.

Вероятно, эта способность и теперь будет воспринята как уникальная читателем, задумавшимся над строками Блейка, даже такими по первому ощущению безыскусными, как стихотворение о мотыльке (или мухе, или мошке - в XVIII веке "fly" обозначало просто насекомое яркой окраски). Безделка, изящная вещица в стиле рококо - но обратим внимание на неожиданный отказ подтвердить право на существование готовностью и умением мыслить. А задетые этой странностью должны будут вспомнить - или узнать, - что и с Мильтоном Блейк спорил как с рационалистом, который, сам того не ведая, благословил плоский разум, подавляющий живое чувство. Вспомнить, что над проповедниками здравомыслия, которых в его время было великое множество, Блейк не уставал иронизировать, с особенным ядом отзываясь об их страсти читать мораль по любому поводу. Что у него Разум и Воображение почти всегда выступают как антагонистические начала и приоритет он отдает Воображению. Что все его стихи, относящиеся к зрелой поре

творчества, должны восприниматься в определенном контексте: они составляют циклы, в которых есть сквозные темы и мотивы, но нет случайных строк.

Это было великое открытие. Действительность впервые осознавалась как дисгармоничное единство. Во всяком случае, впервые это делалось настолько последовательно: весь поэтический сюжет "Песен неведения и познания" вырос из темы нерасторжимости того, что видится как противоположные состояния. Оттого стихам, восславившим благодать и чистоту неведения, обязательно отыскивается явная или неочевидная параллель в цикле, изображающем сумрачную, жестокую реальность познания.

Полярности неведения и познания не отрицают друг друга, все взаимосвязано, все существует в единстве. Наивны грезы о бегстве из трагической обыденности в идеальный естественный мир, которого попросту не существует для личности, постигшей реальную диалектику вещей. Осознавшей, что зеленые поля и кущи - поэтический ландшафт "Песен неведения" непременно сменяются лондонскими картинами порока, грязи, отчаяния и все это один мир, в котором томится скованный человеческий дух. Что есть таинственная соотношенность безмятежности и горя, счастья и страдания и нельзя отвергать одно, восславляя другое, потому что в жизни все переплетено нерасторжимо.

Знаменитому стихотворению "Тигр" тоже есть параллель в "Песнях неведения" - стихи об Агнце, прямо отсылающие к Евангелию от Иоанна: "Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира". Стихотворение "Ягненок", гимн кротости, придает особую выразительность образам "Тигра" - в нем настоящий сгусток яростной энергии. Но и "Тигр" не антитеза, а необходимое дополнение: вот она, сокрушающая ярость, которой - так казалось Блейку, - может быть, дано перебороть заблуждения и зло мира скорее, чем христианскому смирению и любви. И как знать, не эта ли энергия будет востребована человечеством, решившимся через темные заросли самообманов и догм пробиться к свету неподдельных истин?

С этим, вернее всего, мало кто согласится после кровавого опыта нашего столетия. Но не надо уличать Блейка в том, что он не предугадал, каков окажется истинный ход вещей. Достойнее и справедливее - воздать должное духовной отваге, побуждавшей его идти наперекор верованиям своего времени, а в искусстве оставившей о себе память шедеврами, над которыми время не властно.

АЛЕКСЕЙ ЗВЕРЕВ